

Дебютные работы

VR В работе анализируется использование разных стратификационных категорий в научных социологических работах и средствах массовой коммуникации. Осуществлен анализ частоты употребления этих категорий и вкладываемых в них значений, в том числе, с использованием электронной базы «Интегрум». В результате сочетания стратификационных и идеологических ракурсов исследования получено множество интересных наблюдений, касающихся использования (или не использования) определенных терминов в разного типа источниках.

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ В МАССОВОЙ ПРЕССЕ в 1995–2003 гг.

Головляницына Екатерина Борисовна

студентка магистратуры ГУ–ВШЭ

ВВЕДЕНИЕ

К числу важнейших тем в стратификационном анализе относится тема классового сознания; один из ее аспектов – классовая осведомленность, или классовая идентичность. Это знание человека о том, что его общество разделено на иерархически расположенные группы, к одной из которых принадлежит и он сам.

Общество в целом находится вне сферы повседневного опыта человека. Поэтому, коль скоро нас интересуют систематические классификации единиц социальной иерархии, их следует искать на более высоких уровнях производства смыслов, чем повседневные взаимодействия. Конкретные, т.е. имеющие названия, «классы», «страты», «слои» являются информационными объектами. Называя категорию, говорящий, будь то социолог, журналист или обыватель, вносит вклад в подтверждение ее существования как объекта информационного пространства, как части нашего знания о мире.

Сугубо «народные» названия групп, вне зависимости от их реальной значимости как оснований групповой идентичности, практически не имеют шансов попасть в центр внимания социологов. Ведь в социологических опросах изучается идентификация населения лишь с конвенциональными названиями социальных общностей, т.е. с социологическими стратификационными категориями. Эта практика достаточно устоялась и, скорее всего, сохранится в дальнейшем. Так, в современной российской социологии стратификации есть ряд заметных работ, основанных на самоидентификационном методе определения социальной принадлежности респондента¹. Следовательно, анализ стратификационных категорий «изнутри» как понятий в системе социологических теорий необходимо дополнить изучением их «извне» – как элементов символической среды, окружающей каждого члена общества.

Как это сделать? Возможно несколько вариантов действий. Во-первых, можно спросить у респондента, что, по его мнению, означают выражения «принадлежать к среднему классу», «быть интеллигентом», «входить в элиту». Но это поставит его в ложную позицию эксперта, на плечи которого социолог перекладывает свои проблемы. Поэтому чаще социологи выбирают второй путь: пытаются выявить объективные факторы, которые детерминируют выбор того или иного основания самоидентификации; как правило, в этом качестве используются разнообразные социально-демографические признаки респондента. С середины прошлого века тема взаимосвязи объективного и субъективного классов (статусов) активно разрабатывается американскими и

---

¹ Например, [Аврамова, Овчарова 2001; Саблина 2003; Хахулина 2003].

британскими исследователями; обнаружен ряд устойчивых закономерностей, сделаны интересные обобщения².

Однако этот вариант не приближает нас к пониманию того, каково значение стратификационных категорий для неспециалиста-респондента. Выяснить это на основании мнений, высказанных респондентами в массовых опросах, едва ли возможно – слишком велика вероятность получить в итоге классические эмерджентные, т.е. возникающие под воздействием измерительного инструментария, переменные. Одним из способов выявления смыслов стратификационных категорий для потенциального респондента является изучение артикуляции этих категорий в публичном дискурсе.

В частности, реконструкция значений категорий по текстам массовой прессы позволяет приблизиться к пониманию того, что имеют в виду люди, относя себя к этим категориям. Кроме того, таким образом мы можем проверить обоснованность включения тех или иных категорий в перечень оснований для самоидентификации: категория, редко упоминаемая в массовой прессе, скорее всего будет малознакома респонденту и едва ли станет той осью, вокруг которой сформируется его социальная идентичность³.

Помимо классовой осведомленности, существует другая, не менее важная область, в которой количество и характер стратификационных категорий в знании обывателя играет значительную роль. Это проблема «воспринимаемого неравенства» и «воспринимаемой мобильности»⁴. Выраженность воспринимаемого неравенства, шансы на восходящую мобильность, оценка расстояния, уже пройденного на этом пути, тесно связаны с количеством дискретных стратифицированных групп, которое способен «увидеть» человек.

В некоторых обществах существует устойчивое, закреплённое в значимых текстах (официальных документах, школьных учебниках, национальных символах) описание масштабов социального неравенства и шансов отдельных людей на улучшение своего положения. В этих случаях можно говорить о наличии специфической идеологии и исследовать ее именно как идеологию – внутренне непротиворечивую систему идей, «на выходе» из которой неравенство представляется либо как незначительное, либо как легитимное.

В нашем случае, однако, говорить о подобной идеологии преждевременно. В настоящий момент в России не наблюдается каких-либо аналогов такому специфическому явлению массового сознания, как американский «идеологический эгалитаризм» – устойчиво воспроизводящееся представление о равенстве возможностей, при том что реальные статусные различия весьма велики и их существование признается [Lipset, Bendix, Zetterberg 2000]. С другой стороны, упоминания о классовых противоречиях тоже редки.

Хотя за последние десять лет самому факту существования неравенства уделялось немало внимания, целостная идеология, объясняющая или оправдывающая его, не была создана. Поэтому мы можем рассматривать публичную сферу как область пересечения нескольких различающихся по происхождению классификационных схем российского общества – как собственно социологических, так и составленных с использованием социологической терминологии.

---

² См., например: [Murphy, Morris 1961; Tucker 1968; Schreiber, Nygreen 1970; Kluegel, Singleton, Starnes 1977; Vanneman 1980; Jackman, Jackman 1983]. Среди российских исследований близкий подход применен в [Громова 1997].

³ Изучение представленности категории в прессе дает нам картину такой, какой ее воспринял бы гипотетический человек, читающий издания «от корки до корки», адекватно воспринимающий, запоминаящий и использующий сведения. Тем не менее, с определенной уверенностью можно предположить, что данная картина примерно соответствует наибольшему объему знаний о социальной структуре, которым обладает «обычный человек» (тот, кто не может или не стремится обращаться к иным источникам информации).

⁴ Примеры работ в этой области [Prandy 1979; Kluegel, Smith 1981; Wegener 1987; Erickson, Goldthorpe 1992; Lipset, Bendix, Zetterberg 2000].

Наконец, данная тема представляет интерес в плане теоретико-методологического аспекта стратификационного анализа. Стратификационные категории занимают специфическое положение в системе научного знания. С одной стороны, они рассматриваются как элементы реальности⁵. С другой стороны, они являются частью представлений об этой реальности, принадлежащих как социологам, так и непрофессионалам.

Представления о реальности образуют предметную область «социологии восприятия социального мира», социологии «формирования мировоззрений, способствующих, в свою очередь, конструированию реальности» [Бурдьё 1993: 142]. Позиция в социальном пространстве задает перспективу представления об обществе посредством габитуса наблюдателя, соотносящего себя с определенной социальной категорией. Поэтому в «естественных» условиях систематические классификации, носящие универсальный характер, возникнуть не могут. Роль этого несуществующего универсального субъекта-наблюдателя принимает на себя социолог, создающий модели социальной иерархии.

Онтологический статус стратификационных категорий в корне отличен от статуса единиц реальной социальной структуры: «классы» – это умозрительные конструкции исследователей-социологов, не имеющие под собой априорной фактической основы. Членство в классе есть не более чем результат классифицирующей деятельности исследователя [Bates, Peacock 1989: 571]. Очень важно учитывать конструктивный потенциал стратификационных категорий. Как отмечал П. Бурдьё, «научные теории и сама социология составляют часть социальной реальности и могут, подобно марксовской теории, приобретать совершенно реальную созидательную силу» [Бурдьё 1993: 141].

Проблема состоит в том, что с категориями, относящимися к сфере представлений о реальности, зачастую обращаются как с самой реальностью. Это особенно касается категорий, называющих крупные социальные группы или слои. В терминах П. Бергера и Т. Лукмана, происходит реификация, овеществление понятий – «восприятие человеческих феноменов в качестве вещей» [Бергер, Лукман 1995: 146–147]. В публичном дискурсе реификация достигает апогея: редкому журналисту, публицисту или политику доведется усомниться в однозначности связи между категорией, смыслы которой формируются социально, и ее референтом в реальном мире. Осмысление процессов реификации остается прерогативой социологии.

Поэтому недостаточно изучить упоминаемость и смыслы стратификационных категорий в массовой прессе; необходимо обратиться к практикам стратификационных исследований. Как социологи обращаются с используемыми ими категориями – названиями крупных социальных общностей? Склонны ли они к овеществлению понятий, или же стремятся сохранять границу между единицами социальной структуры и терминами, в которых она концептуализируется? Узнать об этом можно, изучив основные способы описания структуры российского общества в эмпирических стратификационных исследованиях.

Попыткой ответить на ряд поставленных вопросов и является настоящая работа. Изложение построено следующим образом. В первом разделе предлагается типология дискурсов о структуре общества, состоящих из категорий, с помощью которых описывается социальная иерархия, и приводится обзор литературы по данной теме. Во втором разделе типология способов классификации рассматривается более подробно, формулируются цель и задачи нашего исследования. Методология исследования раскрывается в третьем разделе. Четвертый и пятый разделы посвящены анализу представленности стратификационных категорий в эмпирическом материале – социологических и газетных текстах. В заключении обобщены полученные результаты.

---

⁵ Здесь «реальность» понимается как социальное пространство – совокупность позиций с неравным доступом к ресурсам, детерминированным различными объемами капитала, оно состоит из конструируемых по этим признакам групп.

Раздел 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Дискурсы о социальной иерархии

Среди трактовок многозначного термина «дискурс» преобладающей и легитимной во всех общественных науках является предложенная Ф. де Соссюром, основоположником структуральной лингвистики: лингвистическая система знаков, сочетающая различия в звучании с различиями в стоящих за ними идеях. Так, в ряде исследований социологического дискурса с лингвистических позиций [Brown 1990b; Richardson 1991] социология в целом рассматривается как текст, правила создания которого определяют его содержание.

Дискурс может пониматься как указание не только на письменный текст, но и на любую специфическую ситуацию использования языка. Дискурс трактуется также и в методологическом ключе – как совокупность признаваемых правильными в определенный период времени исследовательских практик; под практиками понимаются и методология исследования, и принципы построения научного текста [Hall 1992, 1999]. Дискурс может рассматриваться как манера, способ говорить, и, следовательно, думать о чем-либо, образующая сообщества дискурса – совокупности социальных сетей коммуникаций с использованием как языковых, так и неязыковых символических знаков [Purvis, Hunt 1993: 485].

Наконец, предлагается «прикладное» определение дискурса, близкое к использованному в настоящей работе: «класс текстов, создаваемых конкретными агентами в специфических социально-исторических обстоятельствах» [Chalaby 1996: 696]. Акцент здесь сделан не на лингвистической структуре, а на символическом измерении текста и значениях, присваиваемых используемым в нем понятиям. Термин «дискурс» применяется нами как способ упорядочить разные уровни, на которых существуют элементы знания о социальной структуре.

На основании этого определения возможно выделение таких дискурсивных полей, как «социологический» и «публичный» дискурсы, а также «популярного» дискурса, объединяющего практическое знание непрофессионалов (в другой терминологии – обывателей). Объект нашего интереса составляют присутствующие в этих дискурсах названия стратификационных категорий.

В профессиональном дискурсе социологов картина социального мира достигает наибольшей стройности и законченности. Популярному дискурсу о социальной структуре свойственна неопределенность: строение общества не относится к числу тех тем, волнующих всех и каждого. Публичный дискурс очень неоднороден; одним из его полей является содержимое текстов массовой прессы. С одной стороны, названия социальных групп, составляющих иерархию, несомненно представлены в нем. С другой стороны, наличие той или иной стратификационной категории в конкретном газетном тексте может оказаться как закономерным следствием ее широкой известности, так и мимолетным отголоском баталлий за право называть и определять элементы социальной иерархии, ведущихся в иных дискурсивных полях.

1.1.1. Социологические и популярные классификации

Научный дискурс можно рассматривать как способ создания легитимных – для своего поля – описаний социальной реальности. Легитимация является риторическим достижением: описание истинно не потому, что соответствует ноуменальной реальности, а потому, что следует конвенциональным способам описания этой реальности [Brown 1990a: 189].

Об исследовательских практиках в области изучения социальной иерархии обычно упоминают в дискуссионных работах по проблемам стратификационного, в частности классового, анализа [Fantasia 1995; Grusky, Sorensen 1998]. В целом социологи не склонны различать стратификационные категории (информационные, символические объекты) и «реальные» совокупности единиц социальной структуры. Нередко авторы лишь мельком

указывают на несоответствие образа конкретного класса тому, что наблюдается на практике: группа наемных работников физического труда куда менее сплочена и склонна к протестным действиям, чем социологический «рабочий класс» [Savage 1995: 17]; квалифицированные наемные работники умственного труда менее лояльны и однородны в плане потребления и политических предпочтений, чем социологический «средний класс» [Savage et al. 1995: 7] и т.д. Ряд работ посвящен специфической для западных стратификационных классификаций проблеме конвенциональных классов, основанных на категориях государственной статистики занятости [Haug 1977; Drudy 1991].

Образы общества в массовом дискурсе (на примере суждений неквалифицированных рабочих) исследовал Д. Локвуд, выделив три группы представлений о классовой структуре:

- традиционную дихотомическую модель («мы» – рабочие; «они» – все остальные, образующие господствующий класс), в основании которой лежит критерий власти;
- описание общества как системы иерархических слоев, но не универсальных, а существующих в пределах местного сообщества – города, поселка (аналог статусных групп М. Вебера), основанное на представлениях о природных достоинствах, свойственным высшим классам;
- неопределенные группы, выделенные по уровню дохода [Lockwood 1966: 370].

Примером исследований, прямо затрагивающих тему социального конструирования стратификационных категорий, может служить работа А. Марвика об образах «классов» в трех обществах – США, Великобритании и Франции в 1930–1970-е гг. Автор выделяет четыре образа каждого класса: в социологии и общественных науках, официальной статистике, массовых опросах на самоидентификацию и популярной культуре. Взяв за основу социологические стратификационные категории («высший», «средний», «рабочий», «нижний класс»), он рассматривает репрезентацию этих групп в разных культурных средах: изображение представителей различных классов в прессе, литературе, кинофильмах [Marwick 1990].

В отечественной социологии есть ряд работ, в которых стратификационные категории рассматриваются как самостоятельные элементы символической среды. В.В. Радаев рассматривает актуализированное как в социологии, так и в публичном дискурсе понятие «средний класс» в качестве идеологической конструкции – «объясняющей схемы, нагруженной ценностными установками и элементами долженствования» [Радаев 2005: 406]. «Средний класс» – пример социального мифа как объяснительной схемы, перенесенной из другого контекста [Радаев 2003: 16].

Сотрудники Сектора структурно-генетического социоанализа Института социологии РАН, прежде всего Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанов, Ю.В. Маркова, придерживаясь теоретических принципов П. Бурдьё, опубликовали ряд исследований, посвященных научному дискурсу как полю символического производства. Н.А. Шматко, например, анализирует, как экономисты, выступившие в начале 1990-х гг. с программами реформирования российской экономики, воздействовали на публичный дискурс о реформах. Продвижение «легитимных категорий восприятия экономической реформы» осуществляли агенты трех полей: экономической науки, журналистики и политики; при этом предлагаемые категории являлись переработкой имплицитных практических схем [Шматко 2005]. Развиваются идеи о символическом господстве государства, навязывающего свои классификации всем прочим дискурсивным полям, в том числе и социологии [Маркова 2001]. В качестве отличительной черты российского социологического дискурса Ю.Л. Качанов называет его наивность в том, что касается понятий, определенный недостаток рефлексивности и тесную связь с легитимными практическими схемами, сопряженными с официальными классификациями [Качанов 2002].

Тема популярных классификаций разрабатывалась в основном символическими интеракционистами и социальными психологами. Ее касался еще Э. Дюркгейм в работах «Примитивные формы классификации» и «Элементарные формы религиозной жизни». Люди

живут в символической среде, составленной из символов (концептов), выражаемых с помощью языковых средств, и связей между ними. Концепты наделяются смыслами и направляют действия человека [Carley, Palmquist 1992: 603]. По Дюркгейму, символы являются одним из основных способов создания социальной солидарности, становясь «осями», вокруг которых строится идентичность члена группы [Durkheim 1995]. Устойчивые символические элементы существуют в каждом обществе; отчасти они стихийно создаются его членами, отчасти являются продуктом целенаправленного конструирования, совершаемого политическими элитами [Lane 1981: 1].

В результате процесса классификации возникают категории. Как отмечали еще Э. Дюркгейм и М. Мосс, классифицировать объекты означает объединить их в группы, которые отличаются друг от друга и разделяются четкими границами [Durkheim, Mauss 1963: 4]. Современные исследователи также выделяют два аспекта социальной категоризации: во-первых, группировка объектов в относительно однородные категории; во-вторых, различение полученных групп через присвоение им имен и смыслов [Zerubavel 1996].

Считается, что рутинное повседневное познание основано на культурно доступных схемах и сценариях (схемах событий) – структурах знания, которые представляют объекты и связи между ними, позволяя человеку действовать и принимать решения в условиях неполноты информации [Dimaggio 1997: 269]. Совокупность схем образует дискурсивное поле; элементами схем являются отдельные категории. Они составляют вид социальных категоризаций, один из устойчивых, коллективно разделяемых способов структурирования социального мира. Схема «российское общество» состоит из стратификационных категорий – однако в разных дискурсах набор категорий и, главное, их смыслы могут различаться.

Это особенно важно иметь в виду применительно к содержанию социологического и популярного дискурсов о структуре общества. Они формируются в разных средах и поэтому принципиально разнятся. П. Бурдьё настаивает на необходимости последовательно различать социологическую концептуализацию социальной структуры и обыденные представления об обществе [Bourdieu 1984: 470–481]. Социолог создает свою классификацию сознательно, преследуя определенные цели (например, систематизация знания о мире). В повседневном мышлении классификации преимущественно прагматически ориентированы. Для классификации социолога обязательна полнота, непротиворечивость и непересекаемость категорий. В обыденном знании классификации дихотомичны и не претендуют на полноту.

На разную природу этих двух типов структурирования мира указывал и Дюркгейм: он предлагал различать логические (научные) категории, образующие в совокупности иерархическую непротиворечивую структуру, и обыденные различия, состоящие из противопоставляемых друг другу категорий [Durkheim, Mauss 1963: 81–82]. Функцией первых является упорядочивание знания о мире; вторые используются как подспорье в повседневной деятельности и ухватывают только то, что в данный момент является значимым; поэтому они не универсальны, привязаны к контексту.

Это означает, что даже элементарная картина социальной структуры из трех категорий имеет чрезвычайно мало шансов на стихийное распространение в популярном дискурсе. Следовательно, как только речь заходит о схеме социальной иерархии, состоящей более чем из двух ступеней, мы имеем дело с индукцией систематических классификаций, в том числе и социологических. Например, когда исследователи спрашивали о количестве классов в американском обществе, треть респондентов назвала категории стандартной трехклассовой градационной схемы, а две трети говорили об отсутствии классов или описывали нечто неясное [Coleman, Rainwater 1979: 120].

Едва ли не единственной областью социальной жизни, в которой дискурсы социологов и «публики» взаимодействуют непосредственно, являются массовые социологические опросы. Можно предположить, что именно распространение эмпирических стратификационных

исследований, прежде всего в русле американского функционализма, привело социологов к мысли о близости социологических и «массовых» классификаций. Допущение функционалистов о существовании в обществе ценностно-нормативного консенсуса позволяет создавать единую иерархию статусных групп – «высшего», «среднего» и «низшего» классов. Идеальная ситуация здесь выглядит так: социолог просит респондента определить свое социальное положение. В ответ респондент либо просто использует для описания категорий социологическую терминологию, либо выделяет категории по привычным для социолога основаниям (например, доход – власть – престиж).

Понятно, что вероятность реализации такой ситуации на практике незначительна. Это выяснили еще в 1940-х гг. приверженцы субъективного метода в исследованиях местных сообществ. Отбиралось порядка тридцати наиболее осведомленных о делах сообщества людей, которых просили проранжировать или распределить по группам список из нескольких известных им семей. При этом никаких указаний относительно оснований группировки или числа групп респонденты не получали. Как правило, результаты не поддавались внятной интерпретации. Люди либо жаловались на недостаток граничных условий для решения задачи, либо решали ее, поместив каждую семью в отдельную группу [Lenski 1952: 142–143].

Ограниченность функционалистского подхода видна на примере работы М. и Р. Джекманов о субъективных классах в США [Jackman, Jackman 1983]. В разделе, посвященном когнитивной интерпретации класса, авторы ограничиваются указанием на то, какие из социологических категорий распространены в популярном дискурсе: это «бедные», «рабочий класс», «средний класс», «высший средний класс», «высший класс». Исследователи не сомневаются в том, что в сознании их респондентов существует полный аналог социологической стратификационной схемы, и почти не пытаются учитывать коннотативные значения используемых категорий. Единственное, что они предпринимают, – это замена стандартного термина «низший класс» на категорию «бедные». Обосновывается это тем, что в популярном дискурсе данная категория употребляется преимущественно в уничижительном смысле [Jackman, Jackman 1983: 16]. Не рассматривается и вопрос об источниках того или иного образа «класса». Предполагается, что достаточно подсказки в вопросе, чтобы побудить респондента мыслить как социолог – т.е. вкладывать в предлагаемые понятия смыслы, близкие к их социологической трактовке.

1.1.2. Медийные и популярные классификации

Пик академических исследований средств массовой коммуникации⁶ был достигнут в 1930–1940-е гг. По числу аспектов процесса коммуникации сформировалось три области исследований: организации, предоставляющие символическую информацию, их аудитория и содержание информации [Gans 1972]. В рамках последнего направления, ориентированного на изучение сообщений, были разработаны разнообразные количественные методики контент-анализа текстов, позволившие обрабатывать значительные массивы данных.

Традиционный контент-анализ берет начало в работах американских социологов в начале 1950-х гг., прежде всего исследовательской группы под руководством Г. Лассуэла (проект, посвященный анализу политических идеологий в их проявлении в текстах массовой и аналитической прессы, выступлениях политических деятелей и пр.). Дальнейшая

---

⁶ Это понятие не полностью соответствует специфичному для России термину «средства массовой информации», который представляет собой усеченный вариант категории советского периода «средства массовой информации и пропаганды». Далее мы будем пользоваться термином «СМК» как более адекватным, поскольку идея «массовой информации» предполагает зауженное понимание функций коммуникации (предоставление сведений).

стандартизация и формализация методик контент-анализа проведена Б. Берельсоном, ограничившим сферу количественного анализа текстов изучением «проявленного содержания» [Janowitz 1969: 647–648]. Стратегия контент-анализа состоит в изучении того, какие термины и как именно используются для описания некоторого объекта. В нашем случае задача противоположная: изучаются отдельные категории, а не контент рассмотренных текстов.

Много внимания уделялось взаимодействию медийного и популярного дискурсов; точнее – контенту СМК и знаниям аудитории. Описание ситуации, сформулированное еще П. Лазарсфельдом, гласит, что массмедиа создают для людей картину того мира, с которым они не находятся в непосредственном контакте. Этот принцип зафиксирован и в работе авторитетного специалиста по изучению общественного мнения Дж. Цаллера. В результате медийного воздействия «люди наполняют свое сознание массой лишь отчасти согласованных идей, представлений и суждений», причем в разное время на переднем плане оказываются различные суждения [Цаллер 2004: 83].

Среди ведущих концепций влияния медийного дискурса на популярный выделяют работы о «массовом обществе» (преимущественно теоретические), где СМК играют решающую роль в формировании мнений. СМК навязывают индивидам определенные идеи, тем самым делая общество однородным. Эта модель легла в основу первых исследований в 1920-х гг., возникших в связи с распространением радиовещания, и соответствовала распространенным представлениям о всемогуществе СМК, которые выступают в качестве новой формы социального контроля, свойственной урбанизированному индустриальному обществу, где разрушаются сети личностных взаимодействий [Gitlin 1978].

Теория двустороннего потока массовых коммуникаций предполагает, что поток информации движется как от СМК к потребителю, так и от потребителя к СМК. Сторонники концепции «ограниченных эффектов» напоминают об активной роли публики: передаваемый и воспринятый смыслы могут заметно различаться. Такова, например, классическая теория П. Лазарсфельда и Э. Катца: СМК способны изменять представления и поведение аудитории, но только применительно к «поверхностным» мнениям и кратковременным решениям, не предполагающим смены принципов поведения, – например, голосование на выборах [Katz 1987].

Впрочем, современные исследователи утверждают, что индоктринация аудитории, т.е. внедрение в массовое сознание конкретных идей и понятий, как правило, не является целью медийных организаций (если оставить в стороне рекламу, PR и направленную пропаганду). Их контент отражает символическую борьбу в других сферах; его воздействие на получателя во многом случайно [Gamson, Stuart 1992].

1.1.3. Социологические и медийные классификации

Пересечение множеств стратификационных категорий, артикулируемых в социологическом и медийном дискурсе, не есть следствие их взаимодействия. Скорее его следует рассматривать как результат влияний, внешних относительно обоих дискурсов – прежде всего эффекты поля публичной политики и официальных классификаций.

Социальный конструкционизм уделяет особое внимание созданию и поддержанию символических границ социальных категорий. В этой перспективе рассматриваются ситуации, когда определение категории равносильно созданию ее денотата: пола, национальности, социальной группы [Fine 1993]. В социологии социальных проблем последние рассматриваются как реификация понятий политиков, социальных работников и социологов, считающих их фактическими данностями. Такое понимание позволяет объяснить неадекватность самой постановки вопроса об «отношении людей к социальным проблемам» [Schneider 1985]. При социальном конструировании конкретной проблемы одновременно формируется и «отношение» к ней; оба они составляют два аспекта одного явления – символического объекта, создаваемого с помощью слов в публичной сфере. По

мере институционализации этот объект приобретает все большую реалистичность, что выражается в его закреплении в категориях государственной статистики, текстах законодательных актов, социологических классификациях.

Категории, в которых мыслится социальный мир, создаются и утверждаются в ходе символической борьбы – столкновения различных систем классификаций [Bourdieu, Wacquant, Farage 1994]. По П. Бурдьё, «борьба классификаций» происходит, когда группа людей пытается продвинуть такую классификацию, в которой занимаемая ими позиция оказывается более выигрышной, чем в существующей общепринятой структуре. Но можно указать и на другой аспект борьбы – не столько за введение новых концептов, сколько за их интерпретацию. Эта «борьба» является следствием действий не самих представителей дискусируемой группы, а внешних по отношению к ней наблюдателей – например, политиков, чиновников или социологов. Поэтому какая-либо закономерная связь между объективно predetermined интересами представителей «рабочего» или «среднего» класса и тем, что пишется и говорится об этих категориях, едва ли существует.

Раздел 2. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ

Эмпирическое исследование социальной стратификации – это особый род стратифицирующей деятельности, в результате которого производится систематическая классификация членов общества. В рамках социологических текстов создается описание конкретного общества; здесь и далее нас будет интересовать один из аспектов подобного описания – концептуализация социальной иерархии посредством указания на составляющие ее элементы. Данные элементы будем называть стратификационными категориями.

Стратификационная категория – лингвистическая единица (слово или словосочетание), используемая в социологических текстах для обозначения элемента социальной иерархии⁷. Свойства стратификационной категории:

- обозначает крупную социальную общность;
- критерий либо критерии выделения данной общности могут быть выявлены и формализованы;
- предполагает наличие категорий, обозначающих другие общности и выделенных по тому же критерию или критериям;
- в совокупности с этими категориями составляет целостное описание общества либо его основной части (занятого населения);
- обладает минимально устойчивым употреблением (встречается более чем в одной публикации).

В данной работе мы воспользовались принципом, по которому В.В. Радаев выделяет три уровня хозяйственной идеологии [Радаев 2005: 431–432]: идеологическая система («логически стройная система понятий»); экономическая программа («прикладные модели

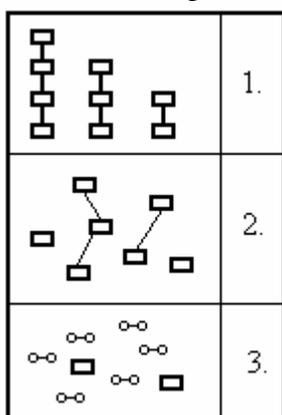
---

⁷ Понятие «социальная иерархия» используется в более узком смысле, чем понятие «социальная структура». Описание общества в терминах его структуры выдвигает на первый план вопрос о характере отношений между элементами такой структуры: возможны отношения эксплуатации (марксистский подход), господства и подчинения (неовеберийский подход); наконец, допустимо и отсутствие отношений при выделении сугубо статистических групп. Напротив, описание общества как иерархии групп оставляет в стороне вопрос об отношениях между ними и позволяет сосредоточиться на совокупности стратификационных категорий, составляющих социальную иерархию.

хозяйственных процессов»); массовое сознание («дихотомические клише и единичные суждения»). Первый уровень представляет собой теоретический конструкт, результат осмысления событий и процессов, происходящих на втором уровне; третий уровень не производит собственных сложных понятий, а в основном переиначивает и упрощает понятия второго уровня.

Мы выделяем три уровня дискурса, на которых существует знание о социальной структуре российского общества. На всех уровнях оно представлено как система классификаций, состоящих из стратификационных категорий – названий позиций в социальной структуре. Соответственно можно говорить о социологических, медийных (по основному полю, где они существуют, – средства массовой коммуникации) и популярных классификациях.

Рис. 1.
Схема уровней классификаций

- Социологические классификации** представляют собой «логически стройные системы понятий», которые, в частности, допускают описание общества как иерархии дискретных позиций.
- Медийные классификации** – продукт и отражение символической борьбы в «публичном пространстве политических и экономических дискуссий» [Шматко 2005; 40], где сочетаются элементы самых разнообразных дискурсивных полей. Представлены в них и социологические категории.
- Популярные классификации** двойственны. С одной стороны, они формируются по остаточному принципу, аккумулируя отголоски того знания о недоступном личному опыту социальном мире, которое существует на других уровнях. С другой стороны, их активно производят сами носители «массового сознания» в виде бинарных практических схем (в иных терминологиях – фреймов, социальных категоризаций), не привязанных к систематическим классификациям.

Трудности возникают, когда мы пытаемся определить, принадлежит ли некая система понятий, описывающая общество как совокупность ранжируемых категорий, к социологическому дискурсу. Ведь социологи не только не являются единственными производителями знания об обществе (в особенности о конкретном российском обществе 1990–2000-х гг.), но и не занимают в иерархии производителей такого знания ведущих позиций. Достаточно указать на факт существования государственных (статистических) классификаций, обладающих наибольшими легитимностью и непротиворечивостью. Социологические классификации нередко повторяют схемы, разработанные в статистике рабочей силы (например, кодификаторы профессий) и статистике уровня жизни населения (например, разбиение доходной совокупности на квинтильные и децильные группы). Как же тогда понять, какие стратификационные категории принадлежат собственно социологии?

Для этого нужно уточнить, кто подразумевается под «социологами». Вслед за Т. Куном мы определяем науку, в данном случае социологию, через «научное сообщество» – группу исследователей с определенной специальностью [Кун 2003: 229], результаты деятельности которых представлены в виде социологических текстов. Следовательно, мы вправе считать социологическими классификациями те, которые названы в данных текстах.

Эти тексты неоднородны: наибольшей степенью конвенциональности и четкости в определении понятий и связей между ними обладают учебники и учебные пособия. Затем следуют монографии и статьи в научных журналах (поскольку российские монографии по теме социальной стратификации во многом дублируют содержание периодики, в дальнейшем они не рассматривались). Особенность статей, посвященных данной теме, состоит в их преимущественной эмпирической направленности. Как следствие этого, используемые авторами

статей классификационные схемы и трактовка образующих их стратификационных категорий не вполне соответствуют стройным концептуальным построениям учебников.

Неоднороден и медийный дискурс: наиболее универсально деление его на «качественную» (quality rare) и «массовую» составляющие. Есть основания полагать, что «качественная» пресса во многом является тем самым полем (или одним из полей), на котором происходят упомянутые выше публичные дискуссии. Напротив, массовая пресса лишь фиксирует некоторые элементы публичных дискуссий. Применительно к печатной прессе различие между аналитическими и массовыми изданиями обычно связывается с размерами их разовых тиражей, хотя точную границу здесь установить сложно.

В настоящей работе рассмотрены только издания массового уровня, поскольку их содержание обеспечивает большее приближение к «остаточным» элементам систематических классификаций, существующим в популярном дискурсе. Изучив представленность в стратификационных категориях в массовой прессе, мы тем самым зададим верхнюю границу того объема систематического знания о социальном мире, которым обладает рядовой член общества⁸.

Все это позволяет представить второй, «усеченный» вариант схемы уровней знания о социальной структуре, на основании которого строится последующее изложение:

- учебные тексты об изучении социальной стратификации;
- публикации в социологических журналах;
- тексты массовой прессы.

Им соответствуют три типа классификаций: «теоретические», «эмпирические» и «остаточные». Рассмотрим каждый тип подробнее.

Теоретические классификации, представленные в учебниках, – результат осмысления и систематизации концепций, методов и итогов деятельности социологов, изучающих социальную стратификацию. Системы стратификационных понятий здесь основаны на обобщении как собственно теоретических работ, так и эмпирических исследований. Построение схем социальной иерархии производится посредством выделения наиболее значимых «осей», дискретные позиции на которых (на каждой в отдельности или на пересечении нескольких осей) обозначают отдельную категорию.

В ориентированных на анализ фактической информации журнальных статьях теоретические стратификационные схемы в чистом виде используются редко. Вместо них применяются эмпирические классификации. Задачей исследователя в данном случае становится не столько поиск возможных способов классификации, сколько размещение объектов (индивидов, домохозяйств) в позициях классификации. Это ведет к переносу акцента с теории на методологию и, следовательно, выдвигает на первый план проблему отбора стратификационных критериев для заполнения групп с уже названными «именами». Возможны три варианта представления социальной иерархии как лестницы, «ступеньки» которой соответствуют стратификационным категориям:

- однокритериальная лестница;
- два или более критериев, особое сочетание которых образует каждую из категорий;
- разнородный набор критериев для каждой «ступеньки».

В разных вариантах могут быть использованы одни и те же категории. Так, иерархия «высший класс» – «средний класс» – «низший класс» может строиться по уровню дохода (один критерий), уровню дохода и образования (два критерия). Примером разнородного

---

⁸ Несомненно, основным источником подобной информации являются не печатные издания, а телевидение; однако можно допустить, что в интересующем нас аспекте их контент не имеет существенных различий.

набора критериев являются схемы «элита» – «средний класс» – «низший класс» и «высший слой» – «средний слой» – «рабочие» – «нижний слой».

Основной ситуацией непосредственного взаимодействия социологического и медийного дискурсов являются или сообщения о результатах социологических исследований, или публикация высказываний социологов в качестве экспертов. При этом социологические стратификационные категории появляются в прессе почти в неизменном виде. Таких случаев, как представляется, немного в общем объеме публикаций. В остальном схема иная: категория актуализируется в другом дискурсивном поле (например, в публичной политике) и затем проникает в массовые газеты.

Так возникают *«остаточные» классификации* в массовой прессе. Авторы газетных статей редко задаются целью рассказать читателю о строении российского общества или об отдельных его элементах, особенно с применением близкой к социологической терминологии. В большинстве текстов интересующие нас стратификационные категории упоминаются мельком, без разъяснения их смысла, который может быть установлен лишь по контексту употребления термина. Социологические классификации на этом уровне распадаются на отдельные категории. Они могут существовать изолированно, а могут объединяться, формируя новые смысловые комплексы.

Целью настоящей работы является изучение медийных схем социальной структуры, составленных из стратификационных категорий социологического дискурса. Для достижения цели должны быть решены следующие *задачи*.

1. Выявить теоретические классификации в конвенциональных учебных текстах.
2. Проанализировав тексты социологической периодики, выяснить:
  - какие стратификационные категории упоминаются в социологической периодике;
  - какие критерии применяются для наполнения категорий;
  - каковы устойчивые сочетания категорий (эмпирические классификации);
  - каковы основания, по которым они сформированы;
  - как они соотносятся с теоретическими классификациями;
  - в какой степени социологи осознают, что используемые ими категории являются исследовательскими конструктами.
3. Проанализировав тексты массовой прессы, выяснить:
  - какова упоминаемость отобранных категорий;
  - каковы смыслы основных стратификационных категорий («высший класс», «средний класс», «рабочий класс» и «низший класс»);
  - каковы устойчивые сочетания категорий (медийные классификации);
  - как соотносятся медийные и эмпирические классификации.

Раздел 3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа проводится в два этапа: на первом рассматриваются социологические тексты, описывающие социальную структуру российского общества 1990–2000-х гг. или ее аспекты; цель – выявить наиболее употребительные категории, характер их описания. На втором этапе рассматривается употребление этих категорий в прессе; цель – выявить представленность категорий и характеристики некоторых из них. В анализ включаются тексты, опубликованные с 1995 по 2003 г.

3.1. Методика отбора и анализа социологических текстов

В социальных науках – и социология не является исключением – основной формой представления академического знания служат научные тексты [Sayer 1984: 258]. Исследование социологических текстов с целью выявить особенности раскрытия в них какой-либо темы в методологическом плане относится к сфере мета-анализа.

Использованная нами методологическая схема близка к той, что предложена в работе Дж. Платт [Platt 1998], посвященной методическим аспектам деятельности американских социологов. По Платт, структура научных текстов такова: на первом уровне существуют учебные тексты, следующая ступень – научные монографии, и завершает пирамиду научного знания совокупность статей по данной теме в релевантных для сообщества научных журналах. Такая схема более подходит для анализа сформировавшихся научных сообществ за длительный промежуток времени.

Особенность российских монографических публикаций, помимо их немногочисленности, состоит в том, что некоторые издания в «книжном» формате представляют собой сборники переработанных статей, опубликованных в научных журналах, и зачастую дублируют их содержание. Немало текстов о стратификации российского общества включено в монографии, посвященные иным темам. Поэтому, помимо учебных текстов, основной интерес представляют именно статьи. Это оперативный способ представления сведений о проведенных исследованиях, и можно допустить, что они адекватно отражают реальные исследовательские практики. Журнальные статьи доступнее малотиражных монографий, и опубликованные в них материалы привлекают большее внимание профессионального сообщества.

3.1.1. Учебники

Учебные тексты отбирались по следующим признакам:

- учебник или учебное пособие адресовано студентам вузов;
- учебник или учебное пособие посвящено социальной стратификации.

Отобраны учебник В.В. Радаева и О.И. Шкаратана «Социальная стратификация», изданный в 1995 г., и учебник В.И. Добренкова и А.И. Кравченко «Социальная структура и стратификация» (2-й том трехтомника «Социология»), изданный в 2000 г. [Радаев, Шкаратан 1995; Добренков, Кравченко 2000].

Цель анализа учебных текстов состоит в выявлении представленных в них теоретических классификаций. В теоретической схеме социальной иерархии должны быть достигнуты наибольшая ясность и системность стратификационной картины. Здесь классификационные схемы представлены в наиболее полном и завершенном виде. Следовательно, задачей является поиск подобных схем в общетеоретических разделах текстов, где даются определения основных понятий. Рассматриваются те схемы социальной структуры, которые предложены непосредственно авторами текста, и по форме не являются изложением взглядов других исследователей.

3.1.2. Периодика

В 1995–2003 гг. издавалось несколько научных журналов, содержащих подходящие статьи. При отборе журналов мы опирались на их характеристики, указанные в заявочных текстах:

- журнал является социологическим;
- журнал не специализируется на отдельных направлениях социологии;
- журнал не является междисциплинарным;
- журнал не является региональным (выпускающая организация размещена в Москве или Санкт-Петербурге).

Таким критериям удовлетворяют три издания: «Социологический журнал», «Социологические исследования» и «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»⁹.

Ожидаемая систематичность представления социальной иерархии в социологической периодике меньше, чем в учебном тексте, но больше, чем в текстах массовой прессы. Поэтому отбор статей в журналах производился на основании тем, заявленных в заголовках. Критерии отбора:

- наличие в заголовке работы слов и сочетаний «социальная структура», «социальная дифференциация», «стратификация», «неравенство», «расслоение», «социальная мобильность», «социальная дезинтеграция», «социально-экономические трансформации», «динамика перемен»¹⁰ и (или) названий стратификационных категорий¹¹;
- наличие в тексте отсылок к результатам конкретных социологических исследований, проведенных после 1991 г. на территории России;
- статья не является переводом с иностранного языка.

Всего отобрано 52 текста; список см. в Приложении 1.

Статьи, претендующие на описание социальной структуры и предположительно содержащие полные классификационные схемы, обозначены как «структурные» тексты. Статьи, где рассматриваются отдельные стратификационные категории, названы «категориальными» текстами. Оценивалась представленность в тексте стратификационной схемы, отдельных категорий, наличие указаний на критерии отнесения к ним, работа с понятием как с элементом реальности или как с исследовательским конструктом.

В заключение укажем на отличие постановки вопроса в данной работе от историко-социологического подхода. Оставлена за рамкой анализа вся совокупность факторов контекстуального характера, собственно «поле науки»: формирование научных школ и закономерности описания социальной структуры в работах их представителей; «интеллектуальная мода» и вненаучные обстоятельства, например, зависимость выбора темы стратификационного исследования от политики грантодателей и др.

---

⁹ «Социологический журнал» издается Институтом социологии РАН с 1994 г. 4 раза в год. Издание позиционируется как академический журнал для социологов. Рассматривались рубрики «Массовые опросы, эксперименты, монографические исследования» и «Проблемы и перспективы общественного развития» (до 2001 г.). Полные тексты статей см.: <http://knowledge.isras.ru/sj/>

Журнал «Социологические исследования» издается Институтом социологии РАН с 1974 г. как научный и общественно-политический журнал, выходит ежемесячно. Рассматривалась рубрика «Социальная структура. Социальная политика». Полные тексты статей см.: <http://ecsocman.edu.ru/socis>

Журнал «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения» издается ВЦИОМ и выходит 6 раз в год с 1993 г. Издание позиционируется как информационный бюллетень социологических исследований. Рассматривались рубрики «Экономика» и «Социальные проблемы общества переходного типа» (с 1999 г. рубрикация отсутствует).

¹⁰ Последние два термина добавлены по итогам просмотра заголовков статей.

¹¹ Не учитывались тексты, посвященные явлению, а не категории (например, работы, предметом которых является «бедность»). Проблематика «маргинальных слоев» и групп исключена как нестратификационная, поскольку такие категории по определению помещаются вне социальной структуры.

3.2. Методика отбора и анализа газетных текстов

В качестве источника данных использована база текстов российской периодики электронного архива «Интегрум»¹². Интерес представляют общенациональные газеты общественно-политического типа с наибольшими тиражами. В данной базе есть возможность использовать публикации всех пяти ведущих российских изданий такого рода.

Отобраны издания:

- «Аргументы и факты» (выходит еженедельно);
- «Известия»;
- «Московский комсомолец»;
- «Комсомольская правда»;
- «Труд» (выходят ежедневно).

Каждая статья рассматривается как отдельный документ; составителями исключены неинформационные материалы (реклама и пр.). Возможная специфика подачи материала в разных изданиях не учитывалась. Для отбора текстов использовалась поисковая система базы «Интегрум» «Упомянутость объекта в прессе». Были подсчитаны абсолютные цифры встречаемости категории в выбранных изданиях; расчетный период – квартал. В рассмотрение включены все тексты, содержащиеся в базе; единица счета – весь документ, без учета числа появлений в нем категории.

Также использовался сервис «Поиск документов», выводящий по итогу запроса перечень найденных текстов с выделенными ключевыми словами. Так проверялась правильность поисковых запросов. Кроме того, изучались полные тексты статей для выявления смыслов стандартных «классовых» терминов («высший», «средний», «нижний», «рабочий») и низкочастотных категорий.

Количество текстов по отдельным категориям и их упоминаемость (доля документов с упоминанием термина в общем объеме текстов) приведены в Приложении 2.

Раздел 4. АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

4.1. Учебники

В учебнике В.В. Радаева и О.И. Шкаратана стратификация определена как система неравенства между общностями людей, приобретающими свойства иерархического ранжирования [1: 27]¹³. Предлагается девять типов универсальных стратификационных систем, определяемых как «характер социального расслоения и способ его утверждения» [1: 49]. Системы носят идеальнотипический характер, каждая описывает иерархию со следующими основаниями [1: 50–57]:

- природные социально-демографические признаки (физико-генетическая);
- наличие гражданских прав и прав собственности (рабовладельческая);
- религиозно закреплённые этнические различия (кастовая);

---

¹² База данных «Интегрум» содержит электронные версии российских газет и журналов. Всего в ресурсе около 500 российских журналов, более 250 центральных газет; все издания представлены полными текстами. Доступ к базе предоставлен библиотекой ГУ–ВШЭ. Адрес базы данных: <http://www.integrum.com>

¹³ Нумерация учебных изданий приводится в квадратных скобках; первая цифра указывает на номер издания в списке учебных текстов в Приложении 1, вторая цифра – номер страницы, содержащей цитируемый текст.

- объем юридических прав и обязанностей (сословная);
- объем привилегий и возможности мобилизации ресурсов, связанные с административной позицией (этакратическая);
- содержание, условия труда и квалификационные требования к нему (социально-профессиональная);
- характер и объем собственности на средства производства и произведенный продукт и материально-имущественная обеспеченность (классовая);
- доступ к социально значимой информации и возможность ее освоения и интерпретации (культурно-символическая);
- объем уважения и престижа как следствие образа жизни и норм поведения (культурно-нормативная).

Данные иерархии являются многомерными (за исключением кастовой системы); каждая основана на совокупности однородных признаков. Группы, из которых состоят системы стратификации, не названы; предполагается, что стратификационные категории строятся как комбинация позиций в нескольких системах стратификации.

Во втором тексте предлагается следующий вариант универсальной классификации, совмещенный с определением социальной стратификации:

Социальная стратификация – совокупность расположенных в вертикальном порядке социальных слоев: бедных, зажиточных, богатых <...> Сверху вниз в обществе расположены страты богатых, зажиточных (средний класс) и бедных людей. Крупные общественные страты именуют еще классами, внутри которых мы можем обнаружить более мелкие подразделения, которые собственно и называются слоями, или стратами. Класс богатых разбивается на верхний (очень богатых, миллиардеров) и нижний (просто богатых, миллионеров). Средний класс состоит из трех слоев, а низший, или бедный, класс – из двух. Самый нижний слой именуют еще андерклассом, или «социальным дном» [2: 19].

Эта схема близка к классовой системе стратификации предыдущей работы; основанием ее является материально-имущественная обеспеченность. Учитывая, что данный текст опубликован в конце рассматриваемого периода, можно предположить, что он фиксирует наиболее распространенные исследовательские практики российских социологов. Поэтому следует ожидать, что в эмпирических стратификационных текстах наиболее распространенными окажутся именно материально-имущественные классификации.

4.2. Периодика

В данном разделе рассматривается второй тип социологических классификаций позиций в социальной иерархии – эмпирические классификации, представленные в статьях в социологических журналах (52 текста).

К числу «структурных» текстов отнесены тексты, непосредственно посвященные описанию «социальной структуры», «неравенства», «расслоения», «социальной дифференциации», «дезинтеграции», «динамике социоструктурных трансформаций», материально-имущественной стратификации, социальной мобильности (всего 22 текста). Здесь мы вправе ожидать наличия модели социальной структуры – либо с разъяснением критериев и их обоснованием, либо только с перечнем категорий, которые образуют социальную иерархию.

Относительно полная схема присутствует в 16 статьях; критерии отнесения к категориям приводятся в 13 статьях (из них восемь относятся к доходно-имущественной оси, четыре описывают профессиональные группы, одна – «адаптированность к рыночным отношениям»). Единственная работа, в которой классификационная схема рассматривается

как исследовательский конструкт, а не как описание «реальности», – статья Т.И. Заславской [7 и 8; 1996]¹⁴.

«Категориальные» тексты посвящены отдельным стратификационным категориям; эти категории могут быть как вписаны в структурный контекст, так и представлены изолированно. В нашем случае в текстах второй группы рассматриваются:

- «средний класс» (10 текстов);
- «элита» (6);
- «интеллигенция» (4);
- «рабочий класс» (3);
- «богатые», «бедные» (3);
- прочие категории («андеркласс», доходные группы, группы по самоидентификации; 4 текста).

Определения изучаемых категорий присутствуют только в 10 работах. При этом категории определяются через совокупность критериев-индикаторов, а не путем отсылки к теоретическому понятию или инструментальной задаче. Поэтому обоснования выбора именно таких критериев очень редки. Здесь подавляющее большинство статей также описывает стратификационные категории как существующие безотносительно к классифицирующей деятельности исследователя; лишь в одной статье исследуются смыслы понятия «интеллигенция», но без привязки к стратификационному контексту [49; 2003].

Категории «элита» и «интеллигенция» фактически не являются стратификационными в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие: они упоминаются вне схем социальной структуры, неизвестными остаются состав и имена групп, находящихся в социальной иерархии выше или ниже них.

Судить о динамике исследовательского интереса на материалах полусотни статей, довольно сложно. Тем не менее, отметим, что проблематика элитных групп заметно утратила актуальность в конце 1990-х гг.; в 2000-е гг. в рассмотренных текстах к этой теме не обращались совсем. В 1995–1997 гг. материально-имущественное неравенство анализируется или упоминается гораздо чаще, чем в конце 1990-х гг., а в 2000-е гг. ему посвящена лишь одна работа. «Средний класс» как самостоятельная тема появляется только в 1999 г. и достигает максимума в 2000 г. А вот марксистские категории встречаются и в середине периода (1998 г.), и в его конце (2002 г.).

В текстах, посвященных социальной структуре в целом, отмечена следующая закономерность: с одной стороны, выраженность неравенства не вызывает сомнений у авторов; с другой стороны, описание социальной иерархии производится с помощью более чем скромного набора категорий универсального характера. «Локальные» категории, называющие конкретные общности, не в чести: «служащие» [1 и 2; 1995]; «работающие бедные» [40; 2000]; сюда же можно отнести «социальную элиту» как особую промежуточную группу между собственно «элитой» и «массами» [29; 1998].

<...>

4.3. Отбор категорий для анализа газетных текстов

Для анализа газетных текстов сформированы следующие группы категорий:

- «доходные»;
- «марксистские»;
- «научные»;
- «традиционные».

---

¹⁴ Номера статей в социологической периодике приводятся в квадратных скобках. Первое значение указывает на позицию в списке рассмотренных публикаций в Приложении 1; второе значение – год выхода статьи.

К числу доходных отнесены те категории, критерием выделения которых является уровень материально-имущественной обеспеченности, выражаемый обычно через величину дохода: «богатые», «бедные», «малообеспеченные» и «малоимущие».

Выделение трех остальных групп связано с происхождением включаемых в них категорий. К числу марксистских отнесены такие термины, как «рабочий класс» («класс рабочих»), «интеллигенция», «класс капиталистов» («капиталисты»). Из рассмотрения исключены категории «крестьянство», «буржуазия», «пролетариат» ввиду неартикулированности в социологическом дискурсе о социальной иерархии.

Наиболее условно название третьей группы категорий – «научные». Она объединяет термины, с одной стороны, не связанные или слабо связанные с отечественной марксистской традицией, с другой – привнесенные из западных социологических текстов. Сюда входит связка градационных классов («высший класс», «средний класс», «нижний класс»), терминология элитистского подхода («правлящая элита» и «элита»¹⁵) и прочие «классовые» термины («господствующий класс», «правлящий класс», «класс собственников», «класс наемных работников», «класс богатых», «класс бедных»).

Традиционные категории представлены дихотомией «верхи» – «низы»; отсылки к этим категориям встречаются в социологических текстах.

Раздел 5. АНАЛИЗ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

Встречающиеся в текстах массовой прессы «стратификационные» категории выделяются в этом качестве только по принципу текстуального соответствия категориям, используемым в социологических текстах. В соответствии с этим не получили освещения потенциально существующие категории, описывающие иерархические социальные общности, но не артикулируемые в социологическом дискурсе о социальной структуре.

Полученные распределения показывают, что запрошенные категории можно разделить на три группы: высокочастотные, среднечастотные и редкие. К первым относятся те категории, частота текстов с которыми составила в среднем за период более 0,004; среднечастотными будем считать категории с упоминаемостью от 0,001 до 0,004; к редким категориям отнесены те, упоминаемость которых менее 0,001.

Исходно предполагалось, что упоминаемость категории определяется прежде всего тем, к какому уровню социальной иерархии она приписывается. Согласно гипотезе, должны были преобладать категории, описывающие высшие слои, прежде всего элитные группы. Однако основным разграничительным признаком оказалось то, в какой системе стратификационных критериев выделена данная категория.

На протяжении всего периода «доходные» категории заметно опережают по упоминаемости элементы трех других групп; различия между прочими не очень велики (их средняя упоминаемость за 1995–2003 гг. приведена в Приложении 3). Типология, образованная пересечением эмпирической группировки и объединений по признаку частотности, представлена в табл. 1.

Большая часть элементов доходной группы попадает в число высокочастотных. Категории «популярного марксизма» занимают промежуточное положение по упоминаемости. Категории традиционной группы в среднем употребляются чаще, чем редкие научные.

---

¹⁵ Для категории «элита» как нерелевантные смыслы рассматривались все варианты институциональных элит в терминологии Р. Миллса [С. Wright Mills]. Так, в нее не входят сочетания вида «политическая элита», «научная элита», «местная элита», «спортивная элита» и т.п.

Группа редких терминов практически целиком представлена вариациями классовой терминологии; от предыдущей категории этой группы отличаются тем, что не несут «идеологических» коннотаций советского периода. Заметно «выбиваются» из этой схемы научные термины «средний класс», входящий в высокочастотную группу, и «элита», средний по упоминаемости термин. Кроме того, «рабочий класс» является единственным среди среднечастотных категорий сочетанием, включающим упоминание «класса».

Можно заключить, что в дискурсе массовой прессы доминирует основание материальной обеспеченности; затем следует ряд категорий, которые потеряли смысл названий единиц социальной структуры и используются как синонимы для нестратификационных концептов; категории, сохраняющие такой смысл («классовые» термины), редки в силу второстепенности самой темы строения общества в прессе. Здесь шанс на высокую упоминаемость получают те термины, которые встречаются в других, помимо «социального», контекстах.

Рис. 2. Упоминаемость групп категорий, март 1995–2003 гг.

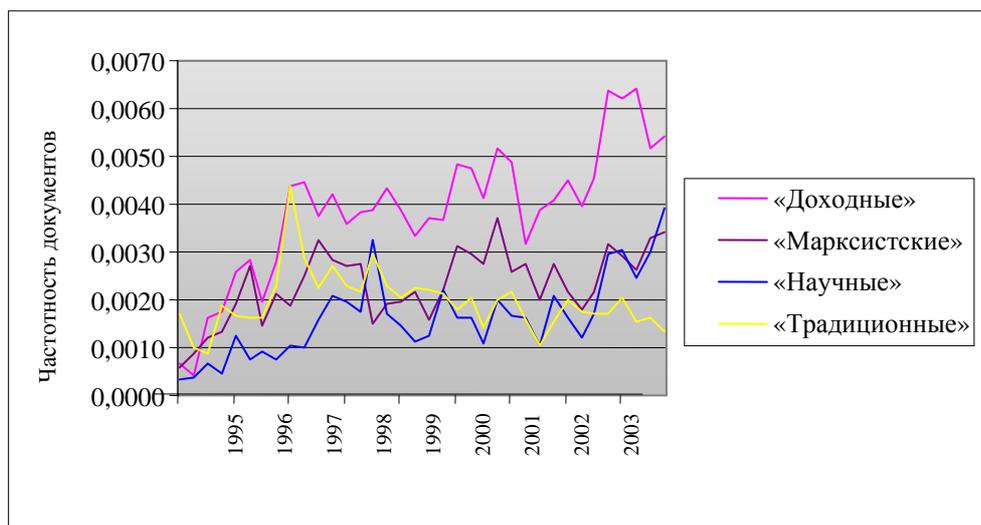

Таблица 1. Типология стратификационных категорий

		Упоминаемость категорий		
		Высокочастотные	Среднечастотные	Низкочастотные
Группы категорий	«Доходные»	«Бедные» «Богатые» «Малоимущие»	«Малообеспеченные»	
	«Марксистские»		«Интеллигенция» «Рабочий класс» «Капиталисты»	«Класс капиталистов»
	«Научные»	«Средний класс»	«Элита»	«Класс собственников» «Класс наемных работников» «Правящий класс» «Господствующий класс» «Правящая элита» «Высший класс» «Нижний класс» «Класс богатых» «Класс бедных»
	«Традиционные»		«Верхи»	«Низы»

5.1. Редкие категории

Все редкие термины употребляются в документах мельком, не становясь темой статьи. «Классовые» категории представлены в данной группе наиболее широко: это «класс богатых» и «бедных», «класс собственников», «капиталистов» и «наемных работников», «господствующий» и «правлящий класс», а также «низы» (о них в разделе 5.2). Рассмотрим контексты, в которых они употреблялись.

Редкой для публичного дискурса является категория «**класс богатых**». За 1995–2003 гг. она встречается в 11 текстах, из которых к современной России относятся 9. Пять раз термину придается отчетливо негативная окраска, он употребляется для указания на группу лиц, чьи состояния нажиты противозаконным образом («награблены», 3 текста) либо находят антисоциальное применение (скупка земли, 2 текста). Дважды термин упомянут в сообщениях о результатах социологических опросов, вместе с ним названы «бедные», «люди среднего достатка» [7; 2001]¹⁶ и «бедные», «средний класс» [11; 2003]. Парная категория «**класс бедных**» названа только один раз.

Категории «класс капиталистов» и «**капиталистический класс**» редки: названы лишь в 6 текстах как синонимы «миллиардеров» и «крупного бизнеса». Интересно, что все тексты появляются в период 1997–2000 гг., хотя явно имеют марксистские коннотации и можно было бы ожидать их упоминания в начале периода.

«**Класс собственников**» упомянут в 50 документах. Вплоть до конца 1999 г. доминирует приватизационный контекст (19 из 29 статей). Когда речь идет о целях приватизации, категория приобретает нейтральную окраску; нередко авторы дистанцируются от нее, указывая на заявления политиков, задачи принятия законодательных актов и т.п. Официальная формулировка «формирование массового класса собственников» как цели приватизации государственного имущества часто воспроизводится в текстах 1995–1999 гг. Категория применяется и для описания результатов приватизации, и в этих случаях неизменно негативна, ассоциируется с «олигархами» и теми, кто «обобрал» рядовых акционеров. Кстати, за весь период есть лишь один документ, в котором владение акциями рассматривается как вид собственности [2; 1995]; даже если «класс собственников» приводится применительно к приватизации разгосударствлению, акционерный капитал не упоминается.

В 2000–2003 гг. основные смыслы сближаются со смыслами понятия «средний класс», понимаемого как мелкие и средние предприниматели (11 текстов) – самостоятельные люди, активные потребители, привносящие в общество стабильность. Потому термин или нейтрален, или позитивно окрашен. Встречается вариант, когда названо конкретное имущество, обладание которым образует категорию; две основные темы – собственность на землю и на жилье, упоминаемые исключительно в контексте темы о политике приватизации (8 текстов).

Неиерархический характер категории проявляется в том, что ее смысловой ряд образуют категории государственной статистики, дополненные «классовой» терминологией. Так, «классу собственников» противопоставлен не «класс наемных работников», не владеющих средствами производства, а безликая «государственная собственность», один раз – «бюджетный сектор». Директора государственных предприятий обобщающего названия не получают. Очевидно, в этом контексте употребление слова «класс» является не более чем

---

¹⁶ Номера газетных статей приводятся в квадратных скобках. Для каждого термина был составлен отдельный список текстов. Для небольших массивов применялась сплошная нумерация за весь период: например, обозначение [3; 1995] указывает на третий текст в списке всех отобранных текстов с вхождением искомого термина, опубликованный в 1995 г. Списки для текстов с упоминанием средне- и высокочастотных категорий формировались по годам; для них применяется обозначение вида [3.1995] – третий текст из тех, которые были опубликованы в 1995 г.

риторической фигурой; стратификационного смысла она не несет. Так, нет указаний на то, что представители этих категорий отличаются от остального населения по каким-либо другим основаниям. Это относится и к концу периода, 2000-м гг.: хотя факт наличия «класса» уже не отрицается, он не приобретает значения имени конкретной социальной общности, оставаясь статистико-юридической абстракцией.

Парное понятие «класс наемных работников» названо дважды (вариант «класс наемных рабочих» не встречается). В 2003 г. автор текста, заявляя о своей приверженности марксистско-ленинским позициям, трактует категорию как часть «пролетариата»; в 1996 г. – как многочисленную группу несобственников. В обоих случаях дополнительные характеристики отсутствуют.

Еще один редкий классовый термин – «**господствующий класс**» или «классы». О нем упоминают в 29 текстах. Четверть упоминаний обращена к дореформенному периоду (7 текстов). Применительно к современности термин используется либо как обозначение «номенклатуры», представителей исполнительной власти высокого уровня или «чиновников» (13 текстов), либо как неопределенное понятие с марксистскими корнями (9 текстов).

Таким образом, термины привязаны к тем контекстам, в которых они были внесены в публичный дискурс; в случае, если для одной и той же категории таких контекстов было несколько, заложенные в них смыслы сосуществуют, не смешиваясь между собой.

Отмечена также категория «**правлящий класс**». Она входит в 103 статьи; за весь период частотность держится на уровне 0,002–0,003. Не рассматривались статьи, в которых упоминаются зарубежные правящие классы (14); посвященные советскому или дореволюционному времени (23); не содержащие информации о категории (4).

Каковы основные смыслы этого весьма конвенционального термина (в кавычки он заключен в одном документе)? Ведущий контекст – политический, в 90% статей синонимом термина являются слова «политики» и «власть» (исполнительная власть – президент, правительство; лидеры партий), а также «элита» – к ней «правлящий класс» приравнивается в 20% статей. Категория заметно отличается от близкого термина «господствующий класс» – почти нет связи ни с бюрократией, ни с марксизмом¹⁷ – что тем более интересно, поскольку исторически первично именно марксистское словоупотребление этого термина. Крупный бизнес почти не включается в эту категорию (два документа).

Относительно чаще, чем для других категорий, здесь встречаются ссылки на экспертов – обществоведов, специализирующихся на изучении элит (О. Крыштановская, Л. Шевцова, С. Марков). Это придает термину дополнительную «научность». В целом же «правлящий класс» аналогичен менее «научнообразному» слову «власть». Членство в «правлящем классе» – сугубо индивидуальное и определяется принадлежностью к группе лиц, оказывающих влияние на принятие стратегических политических решений. Кроме того, термин редко наделяется эмоциональной окраской.

Хотя в ее составе есть слово «класс», в качестве стратификационной категория практически не употребляется: отсутствуют указания на иные категории, находящиеся в социальной иерархии «классов» ниже данной. Как и другие названия элитных групп, данный термин предполагает существование относительно небольшой четко очерченной совокупности людей, резко отличающихся от собственно «общества» («масс», «населения», «народа», «граждан», «страны», «низов»), представляемого как неструктурированное целое.

---

¹⁷ За исключением текста, где ядром современного правящего класса названа «бюрократия» [59; 2000], а также трех текстов, определенных авторами как написанные с марксистских позиций.

5.1.1. «Высший класс» и «низший класс»

Крайне редко упоминаются два элемента из градационной «классовой» триады – «нижний» и «высший класс». Видимо, смыслы понятия «высший класс» в текстах массовой прессы передаются с помощью иных терминов: «элита», «богатые»; вместо категории «нижний класс» используются «бедные», «малообеспеченные» и пр. Это соответствует тому, что отмечают западные авторы: упоминаемость категорий, однозначно определяющих позицию называемых ими групп в социальной иерархии, невелика [Marwick 1990].

Категория «**нижний класс**» («низший класс») непопулярна. За 1995–2003 гг. она названа только в восьми публикациях. К современной России относятся три текста, два из них ссылаются на результаты социологических опросов¹⁸; «нижний класс» противопоставляется «среднему».

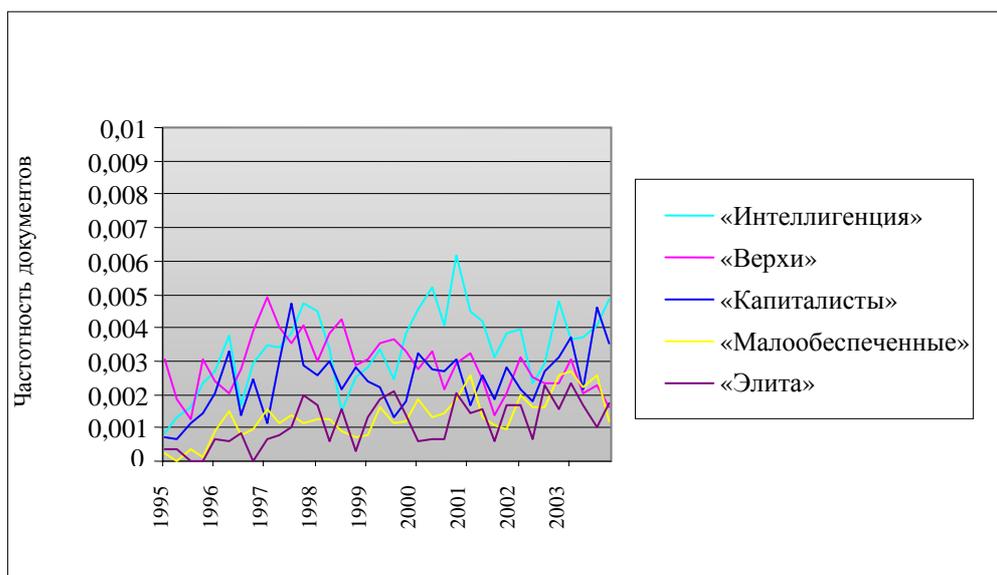
Несколько чаще используется термин «**высший класс**» (21 документ), хотя более половины упоминаний относятся либо к зарубежным обществам, либо к прошлому. В оставшихся восьми документах как синонимичные понятия названы «элита» и «политическая элита» (в контексте близости к «власти»), а также «новые русские» (в контексте высокого уровня доходов группы и специфического стиля потребления). Применительно к зарубежным обществам вместе с «высшим классом» в 6 статьях из 13 упоминается и «средний класс», тогда как российский «высший класс» противопоставляется «обществу», «народу», «простонародью» и «низкодоходным слоям». Впрочем, учитывая малое количество текстов, это может быть случайным совпадением.

В рассмотренных текстах у категорий «высший» и «нижний класс» отсутствует значение социально-профессиональной группы: не отмечено статей, в которых приводились бы примеры профессий тех, кого зачисляют в эти категории.

5.2. Среднечастотные категории

В число среднечастотных терминов попали весьма разнородные категории: это и элементы популярно-марксистского дискурса («капиталисты», «интеллигенция», «рабочий класс»), и «доходная» категория «малообеспеченные», и категория «элита». Их сравнительная упоминаемость представлена на рис. 3. Категория «рабочий класс» анализируется в разделе 5.2.1.

Рис. 3. Упоминаемость среднечастотных категорий, март 1995–2003 гг.

¹⁸ Низший класс по уровню дохода из опроса НИИ социальной гигиены 1999 г. и низший класс в исследовании «Средние классы» Независимого института социальной политики 2003 г.

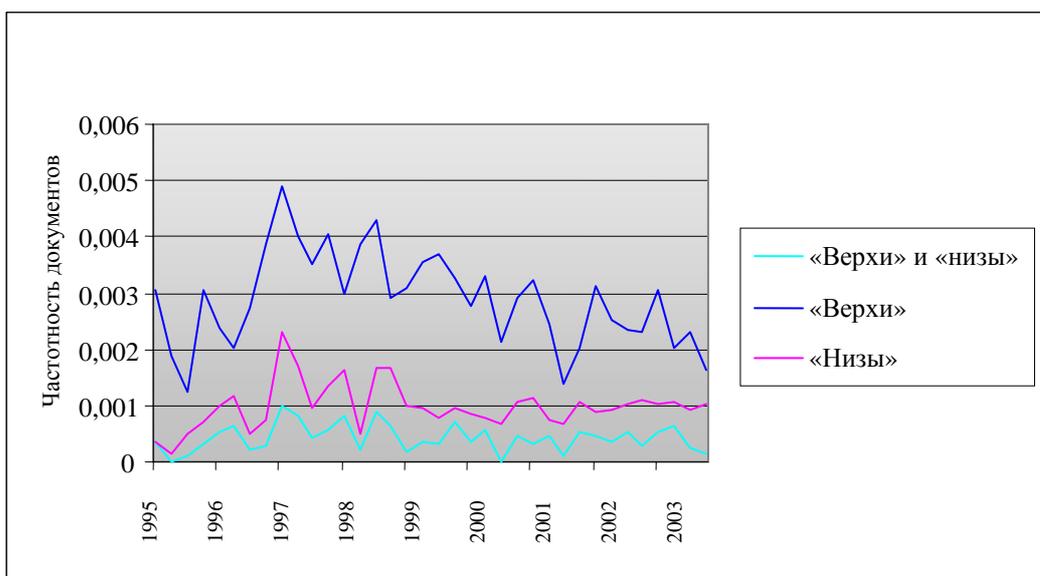
Отметим невысокую частотность термина «элита»: из всех среднечастотных категорий она самая редкая. Отчасти это связано со спецификой поискового запроса: отбирались тексты, в которых категория употреблена как название общности, размещенной на вершине социальной иерархии российского общества. Для этого отсеивались документы, отсылающие к иным странам и к «частным» элитным группам. Основное значение близко к отмеченному для «правлящего» и «господствующего класса»: использование как синонима менее претенциозного термина «власть» (обозначающего лиц, принимающих наиболее важные решения).

Термин «интеллигенция» употребляется для обозначения образованных людей. Встречаемость его в стратификационных контекстах ограничена немногочисленными (не более 30) упоминаниями в связи с прочими «марксистскими» категориями. Три из четырех посвященных данной категории социологических текстов опубликованы в 2000–2003 гг., и на этот же период приходится пик упоминаемости категории в массовой прессе.

Невысокая употребляемость категории «малообеспеченные» – по сравнению с близкой категорией «малоимущие» – скорее всего вызвана ее лингвистическими, а не содержательными особенностями (например, она заметно неудобнее в произношении).

Дихотомическая пара традиционных категорий «верхи» – «низы» распадается на среднечастотную «**верхи**» и редкую «**низы**». Относительно высокая упоминаемость категории «верхи» во многом связана с тем, что эта категория входит в состав многих устойчивых выражений. Это единственные из рассмотренных категорий, которые широко применяются в газетных текстах для обозначения социального происхождения конкретных людей. Следовательно, они наиболее близки к тем, которые служат основаниями самоидентификации. Категория «низы» реже, чем «верхи», употребляется как самостоятельная. Об этом свидетельствует незначительный разрыв между количеством документов, где названы и «верхи», и «низы», и документами, где названы только «низы». Напротив, «верхи» наиболее употребительны в роли самостоятельной категории, а не элемента дихотомии. Специфицируется только верхний уровень социальной иерархии. Прочие же уровни остаются безымянными и потому неопределенными.

Рис. 4. Упоминаемость категорий «верхи» и «низы», март 1995–2003 гг.

Это сближает данную классификацию с теоретической схемой «элита – массы». Верхи – надежная точка отсчета: они остаются «верхами» для представителей всех прочих уровней социальной иерархии. «Низы», «массы», «народ» – принципиально неопределенные понятия. Их можно назвать псевдостратификационными категориями, основной функцией которых является не название групп, а умолчание о них.

Трактовка понятий «капиталисты», «капиталистический класс» в социологических текстах восходит к общеизвестным марксистским определениям (владельцы средств производства) с тем дополнением, что данная категория рассматривается как одна из элитных групп. Так, мелких частных предпринимателей, мелких собственников, владельцев нескольких акций в нее не включают. Посмотрим, кого подразумевают авторы газетных статей под «капиталистами» в начале и конце периода.

Текстов за 1995 г. немного (36). Основные смыслы понятия можно охарактеризовать так: «предприниматель»; «иностранец»; «владелец предприятия, фирмы, работодатель». Наибольшей близостью к стратификационной категории термин обладает в третьем значении; в этом случае указываются антагонистичные группы – это «рабочие», «народ», «бедные» (следуя традиции противопоставления «труда» и «капитала»).

В 2003 г. из 130 отобранных документов термин как структурная категория употреблен менее чем в 1% текстов: «капиталисты» выступают как синоним «богатых» и «очень богатых» и противопоставляются «бедным», «обществу в целом». В большинстве статей категория применяется для характеристики современного российского предпринимательства (70%). В 1995 г. устойчивой коннотации «капиталисты» – «крупный бизнес» не отмечено; а в 2003 г. только в двух статьях термин применен к представителям малого бизнеса; в семи случаях подразумеваются владельцы акций. В 8% текстов категория выступает как часть клишированного оборота («загнивающие», «проклятые»), употребленного в ироническом смысле. Сам термин нейтрален, но синонимичен негативно окрашенному понятию «олигархи»; позитивное значение встретилось только в 6 текстах (в отличие от 1995 г., когда подобное значение отмечено в четверти статей).

В целом отметим эволюцию от универсального понятия социально-профессиональной оси стратификации (те, кто работает не по найму и владеет капиталом) к локальному термину, входящему в синонимический ряд категории «крупный бизнес». Кроме того, к концу периода утрачено специфичное для середины 1990-х гг. значение «любой житель западной страны вне зависимости от рода занятий».

5.2.1. «Рабочий класс»

Данный термин является наиболее употребимым элементом категориального аппарата советского периода (за исключением категории «интеллигенция», которую мы не рассматриваем как стратификационную). Это один из двух «классовых» терминов с достаточно серьезной частотностью. В отличие от «среднего класса», категории новой и неочевидно определяемой, у «рабочего класса» есть конвенционально закрепленный смысл – группа лиц, занятых физическим трудом, а также отчетливые смысловые коннотации. Посмотрим, находит ли он отражение в прессе. Всего рассматривалось 510 статей, из них 30% относятся к иным странам.

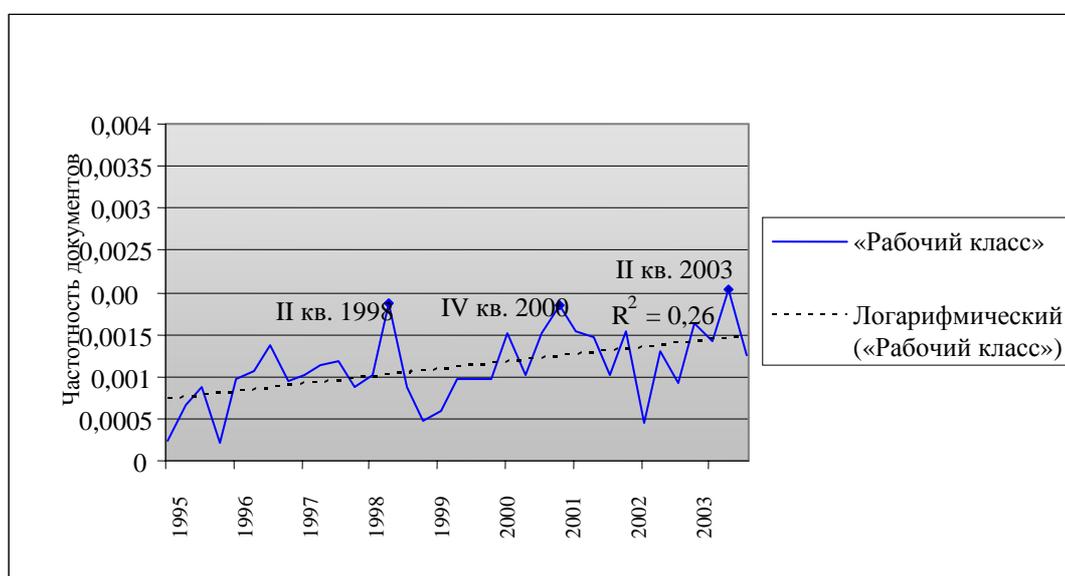
Локальные пики упоминаемости достигнуты во вторых кварталах 1998 и 2003 гг., а также во второй половине 2000 г., причем каждый раз за достижением максимального значения следует резкий спад интереса (рис. 5).

Можно предположить, что присутствовали некие внешние информационные поводы, в связи с которыми о «рабочем классе» начинали упоминать вдвое чаще, чем в среднем за период (частотность около 0,0020 при средней 0,0011). Однако связь роста частотности с фактическими событиями отмечена только для 1998 г., тогда как в 2000 и 2003 гг. преобладающим контекстом стало упоминание о советских реалиях. В целом по этим трем пиковым периодам можно отметить тенденцию к «дематериализации» категории и исчезновению присущего ей содержательного наполнения: в статьях 2000 и 2003 гг. текущие события затрагивают только тот «рабочий класс», который обозначает отдельные профессиональные категории.

Так, в апреле – июне 1998 г. (19 статей) муссируются шахтерские забастовки, демонстрации, «рельсовая война». Упоминаются «рабочие переделы» на некрупных промышленных предприятиях. Стилистика разнообразная, есть как одобрение, так и критика «восстаний». Во всех случаях выражение «рабочий класс» использовано как эпитет; эксплуатируется коннотативное значение его революционности, способности к коллективной мобилизации и активным действиям в защиту своих интересов против работодателей.

В III–IV кв. 2000 г. (46 статей) преобладают документы, в которых говорится о советском обществе, и категория «рабочий класс» упоминается мельком, как пример идеологического клише (15 текстов, наиболее многочисленный вариант словоупотребления). Далее следует тема проблем отрасли и отдельных производств – угольная отрасль, железнодорожники – всего 12 документов. Из них о протестном поведении рабочего класса говорится только в двух текстах, причем подчеркивается его пассивная роль в этих столкновениях. По-прежнему редко категория упоминается в политическом контексте: в связи с сообщением о деятельности коммунистических и социалистических партий и движений она названа в 6 статьях.

Рис. 5. Упомянутость категории «рабочий класс», март 1995–2003 гг.

В апреле – июне 2003 г. (29 статей) снова наиболее часты отсылки к советскому периоду – 9 текстов, столько же раз термин применяется как обобщенное наименование для рядовых рабочих отдельных предприятий. В связи с политическими программами и партиями категория названа всего дважды, и дважды указано на бедственное материальное положение ее представителей.

Единственный контекст, в котором рабочий класс вводится в текст в качестве стратификационной категории, – это упоминание вместе с одним или двумя прочими элементами советско-марксистской формулы «рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция». Количество подобных связок невелико: полный набор категорий отмечен только в семи текстах за 1995–2003 гг., а различные сочетания представлены не более чем в 30 текстах.

В основном термин использован как способ обозначения массовых низовых слоев или обозначение рабочих конкретных предприятий. В немногих текстах, где термин употреблен в политическом контексте, основными темами являются выступления членов КПРФ и близких к ней партий; для начала периода – сообщения о состоянии крупных профсоюзных организаций и проводимых забастовках. В некоторых текстах «рабочий класс» подается в качестве основания самоидентификации – не автор текста причисляет конкретных людей к данной категории, а сам пишущий или говорящий относит себя к ней. Выражения типа «мы, рабочий класс» или «я из рабочего класса» встречаются на протяжении всего периода 1995–2003 гг.

Часты указания на позицию данной категории во властных отношениях. Скорее всего, это также следствие типовых марксистских коннотаций (борьбы пролетариата и буржуазии, например). Для сравнения: о силе или слабости среднего класса во взаимодействии с другими группами газетах не пишут. Элемент реляционности, неизменно присущий данной категории в ее исходном отечественно-марксистском представлении, продолжает воспроизводиться и в наше время. Далее, категория применяется для указания на активного агента отношений. «Рабочий класс» действует (или бездействует, указание на бездействие также предполагает, что его представители сплочены и активны в защите своих интересов) и не артикулируется в качестве объекта государственной политики. Как следует из рассмотренных текстов, в публичной политике термин не является легитимным (в отличие от того же «среднего класса»: назвать рабочих предприятия «рабочим классом» в официальном выступлении маловероятно для политического деятеля, равно как и упомянуть о категории как элементе российского общества).

В целом смысловое поле категории можно обозначить как проблемы трудовых отношений (только в одном тексте представители «рабочего класса» противопоставлены не нанимателям, а «образованным слоям»). Сфера ее употребления ограничивается вопросами трудовых конфликтов и нелегких условий труда. Чаще всего речь идет о совокупности лиц, занятых на конкретном предприятии, которые противопоставляются его управляющим или владельцам. А для единственной высокочастотной категории, «среднего класса», тема условий труда и отношений с нанимателями не артикулируется совсем (1–2 мимолетных упоминания за весь период). Так что шансы на «пересечение» этих категорий в публичном дискурсе крайне невелики, что подтверждается незначительностью числа их совместных упоминаний в массовой прессе.

Категория используется преимущественно в локальных контекстах и воспринимается не как название реальной группы, а как фиксированное выражение, пришедшее из советского периода. Если значимые участники символической борьбы и в дальнейшем не начнут использовать ее в публичных выступлениях, то следует ожидать сокращения ее упоминаемости по мере вымывания коннотативных значений.

5.3. Высокочастотные категории

Группа высокочастотных категорий состоит преимущественно из «доходных» терминов: «богатые», «бедные», «малоимущие». Происхождение их различно: «богатые» и «бедные» принадлежат к словарю обыденной речи, тогда как «малоимущие» являются элементом официальной классификации (юридическое определение этого понятия закреплено, например, в Законе РФ «О прожиточном минимуме»). Их смыслы не рассматривались, поскольку гораздо важнее сам факт максимальной частотности категорий именно этой группы. Он подтверждает наше предположение о доминировании материально-имущественной оси стратификации в публичной сфере. Применительно к социологическим текстам был также отмечен определенный скос в сторону доходных критериев при построении классификационных схем. В этом отношении социологический и медийный дискурсы весьма близки.

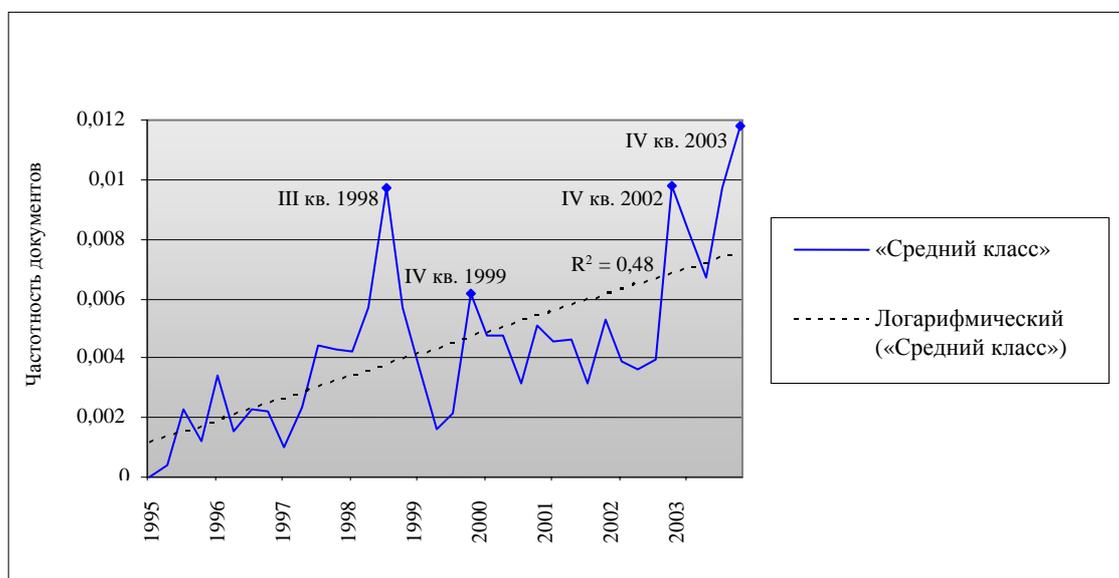
Единственный «классовый» термин в группе высокочастотных категорий – «средний класс». Как выяснилось, это не случайно: в большинстве случаев он помещается между теми же «богатыми» и «бедными». «Семьи среднего достатка», «люди со средними доходами» – такой смысл вкладывается в большинство упоминаний среднего класса в массовой прессе.

5.3.1. «Средний класс»

Уже в 1995 г. категория появляется в текстах в качестве известной и достаточно привычной. Тем не менее, мы можем проследить, как данный термин употреблялся в текстах массовой прессы в 1995–2003 гг.: как изменялось и изменялось ли вообще представление его наличия или отсутствия, состава и критериев отнесения к нему, свойств и функций в обществе, политической и экономической сферах (рис. 6).

Локальные пики упоминаемости связаны с финансовым кризисом 1998 г. (сам период кризиса и IV кв. 1999, 2002 и 2003 гг., когда обсуждалось, как он повлиял на средний класс), а также с темой государственной поддержки среднего класса как группы предпринимателей. Почти не упоминаются (не более 1–2 текстов в год) градационные вариации данной категории – такие, как «высший средний класс» и «низший средний класс». Это можно понимать как дополнительное указание на незначительность вклада социологов в публичный дискурс о среднем классе.

Рис. 6. Упоминаемость категории «средний класс», март 1995–2003 гг.

Поскольку уже к началу периода категория среднего класса является достаточно употребляемой, ее дальнейшее воспроизводство в текстах может рассматриваться как пример символической борьбы за ее конкретизацию. Впрочем, слово «борьба» в данном случае не совсем уместно, поскольку предполагает «борцов» – лица или структуры, соперничающие с другими за признание своей трактовки наиболее верной. Фактически ситуация иная: хотя весьма отчетливые варианты таких трактовок действительно существуют, их авторство не всегда очевидно, и они практически не сталкиваются между собой (это проявляется, в частности, в том, что невелико число текстов, где оспаривается тот или иной способ выделения средних классов).

Наконец, интересна роль, которую журналисты отводят мнениям специалистов-обществоведов – то, как подается в прессе мнение «социологов» и «политологов» о среднем классе. Контент СМК можно разделить на два типа: те сведения, которые принимаются «как должное» и те, о которых ведутся споры [Samson et al. 1992: 375]. Из всех рассмотренных категорий статьи второго типа встретились только применительно к теме среднего класса. В проанализированных текстах изредка встречаются ссылки на различные исследователь-

ские организации и проведенные ими эмпирические обследования «среднего класса»¹⁹. В целом количество ссылок на социологические и называемые таковыми организации или на мнения конкретных представителей общественных наук невелико (3% публикаций с упоминанием категории).

Степень конвенциональности категории может быть оценена по тому, употребляются ли кавычки, вводные фразы типа «так называемый» или «те, кого называют», считает ли автор необходимым пояснить, что именно он подразумевает под данной категорией. Употребление термина без кавычек, вводных фраз и пояснений означает, что автор текста не рассматривал категорию как нечто непривычное для себя и адресантов. От 1995 к 2000 г. наблюдаем исчезновение свидетельств «новизны» категории; в 2000-е гг. термин вводится как самоочевидный. Имея в виду, что большинство статей содержит не более одного вхождения термина, можно утверждать, что он закрепился в качестве конвенционального в текстах массовой прессы.

Кто это – средний класс?

Мы различали свойства среднего класса и критерии его выделения с определенной долей условности. К критериям отнесены типовые социально-демографические переменные (уровень доходов; профессиональная или отраслевая принадлежность; уровень образования; характер труда); к свойствам – характеристики типа степени адаптированности к новым условиям, политических пристрастий, настроений.

Заметная частотность отмечена только у оснований «доход» и «занятие». В среднем за год указания на уровень образования и специфику трудовой деятельности встречаются не более чем в двух статьях. Это высшее образование и нефизический труд; ссылки на нерутинный характер трудовых операций практически отсутствуют – всего два текста за весь рассмотренный временной промежуток. Точная величина денежного дохода, необходимая для попадания в средний класс, упоминается редко. Чаще обнаруживались лингвистические конструкции, в которых «средний класс» размещался в промежутке между иными стратификационными категориями, которые можно отнести к выделяемым по материально-имущественному критерию: «богатые», «малообеспеченные», «среднеобеспеченные», «обеспеченные», «зажиточные», «малоимущие», «нищие».

Можно утверждать, что в 1995–2003 гг. преобладает понимание «среднего класса» как доходной группы. «Средний класс» подается как те, кто не является ни «бедными», ни «богатыми». Только в незначительном количестве статей его представители приравниваются к «богатым» либо к «новым русским» (7 текстов за весь период). Выделяются два направления: во-первых, к среднему доходному классу относят людей с модальным уровнем дохода; во-вторых, под средним классом понимаются люди, более обеспеченные, чем массовые слои населения. Очевидно, что каждой трактовке соответствует свое видение размеров среднего класса, его функций в экономической и политической системах.

В случае, когда для отнесения к среднему классу необходимым считается средний по совокупности доход, категория становится массовой, включающей в себя значительную, если не большую часть населения: формулировки типа «небольшой, но гарантированный достаток» [1996.19], «средний достаток» [2000.33; 2001.46]. Данное представление соотносимо с трехклассовой моделью общества (с той поправкой, что «классы» обозначают статистические доходные страты): высший, средний и нижний классы. Оно пересекается с

---

¹⁹ Наибольшей популярностью пользуется такая непрофильная организация, как Всероссийский центр изучения уровня жизни РАМН, – количество ссылок на нее больше, чем на ВЦИОМ, РНИСиНП, ИСЭПН и др.

вариантом «профессионального» среднего класса, в качестве элементов которого указываются массовые профессии, требующие высшего или среднего специального образования («учителя, преподаватели, инженеры, врачи, военные, квалифицированные рабочие»). Контексты, в которых появляется такое понимание среднего класса, достаточно специфичны: это либо «электоральные» тексты, где группа называется базой политической партии, либо «маркетинговые» тексты, где основным упоминаемым признаком становится некая «промежуточная» имущественная обеспеченность (в типичном случае название «средний класс» адресуется совокупности людей, не совпадающей ни с владельцами вилл на мировых курортах, ни с обладателями «шести соток»).

Такая трактовка опирается на фактическое существование лиц, для описания которых использована категория, а не на гипотетические свойства «среднего класса» как идеологически нагруженного термина. В таких текстах не встречаются указания на роль «среднего класса» в обществе, а также на необходимость его формирования и поддержки. В этом случае термин используется как эвфемизм для менее «престижных» названий типа «массы», «большинство» и приобретает свойственную этим понятиям неопределенность, проясняемую от противного.

Второй путь предполагает разведение понятий «среднего класса» и менее обеспеченных массовых слоев и соотносится с четырехклассовой моделью (она включает размещаемый между средним и нижним классами промежуточный класс). Уровень доходов превышает модальный: его описывают выражения типа «высокооплачиваемые», «зажиточные» [2000.48], «состоятельные» [1996.23]. Соответственно изменяется и размер группы: она перестает быть массовой. В отличие от предыдущего варианта, эта категория не противоречит маркетинговому среднему классу – активному потребителю всевозможных платных услуг и недешевых товаров. В текстах, где подразумевается наличие у представителей среднего класса дохода выше среднего (но не переходящего в «богатство»), говорится также и о прочих характеристиках группы: обеспечение политической стабильности, самостоятельность и независимость, особая «позитивная ментальность». Если приводятся примеры профессий «обеспеченного» среднего класса, то это профессии, относящиеся к новым секторам экономики: «банковские и финансовые клерки, профессиональные игроки на бирже» [1999.38], «менеджеры, адвокаты, врачи с частной практикой, частные собственники» [2001.14], «менеджеры среднего звена» [2003.30].

Данный вид «среднего класса» близок к идеологическому среднему классу – по неизменно позитивной окрашенности термина, преобладающему упоминанию в маркетинговом контексте и в качестве цели экономической политики.

«Профессиональный» средний класс также распадается на два подвида: состоящий из собственно профессионалов (специалистов с высшим образованием) и из малых и средних предпринимателей. Второй заметно многочисленнее (соответственно 13 и 5% текстов). «Средний класс» как синоним малых и средних предпринимателей можно назвать вторым стереотипным пониманием данной категории. В отличие от доходного среднего класса, эта группа более однородна и конкретна – но ее конкретность носит весьма абстрактный характер.

Критики и эксперты

Среди рассмотренных текстов непосредственно среднему классу посвящена очень небольшая часть; условно назовем такие тексты полемическими. В них производится разбор существующих способов определения границ средних классов и некоторые из этих способов подвергаются критике. Среди авторов находим как авторитетных специалистов (если судить об авторитетности по тому, указана ли институциональная принадлежность человека), так и «простых граждан», мнения которых подаются в

качестве писем в редакцию. Частотность подобных статей составляет чуть менее 3% всех текстов с упоминанием среднего класса за период.

Лейтмотивом полемических публикаций являются призывы отказаться от использования уровня доходов как основного критерия численности среднего класса и обратить внимание на критерии, связанные, во-первых, с характером труда и следующим из него позитивным вкладом в экономическое развитие; во-вторых, с особенными личностными качествами.

В числе первых – обладание знаниями, способными приносить пользу обществу, занятость в секторе реального производства либо в «полезной» же части сферы услуг (в противовес представителям непроизводительных или социально опасных профессий и занятий). Среди личных качеств и установок названы мировоззрение, включающее самостоятельность, предпочтение свободы, оптимизм; ментальность, ориентированная на стабильность и отсутствие резких перемен; отношение к труду как к способу самостоятельно заработать на достойную жизнь.

Отдельную тему составляют суждения экспертов: интервью с ними или ссылки на их мнения либо публикации. Как правило, в «экспертных» текстах отсутствует критический элемент, т.е. выбранные критерии выделения группы представляются как общепринятые и потому самоочевидные.

Какие люди и организации появлялись на страницах газет в этом качестве? Дважды названы результаты расчетов, произведенных в НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Семашко РАМН; четырежды приводится ссылка на исследования социологов ВЦУЖ РАМН, упоминаются результаты опроса НИИ Фармации. Во всех случаях применялся простой доходный критерий.

Что касается более близких к общественным наукам организаций, то обнаружена одна ссылка на данные ВЦИОМ о численности и составе группы; еще дважды категория упоминается как элемент социально-демографического блока опросов, проведенных ВЦИОМ, в текстах, которые посвящены другим темам. Помимо ВЦИОМ, журналисты ссылались на выступления специалистов из Института прикладной политики (О. Крыштановская), НИСП (Т. Малева), Экспертного института (Л. Григорьев), Института проблем глобализации (М. Делягин), Института Европы (Н. Шмелев), ИСЭПН РАН (Н. Тихонова).

Таким образом, знание о фактическом положении среднего класса в стране не представляется как производимое социологами. В текстах, апеллирующих к социологам и прочим обществоведам, результаты их штудий привлекаются прежде всего как источники точных сведений о величине среднего класса. Это касается как экспертных статей, так и тех, где имеется указание на некоторые «подсчеты» или «мнения» безымянных социологов или политологов. Право называть сами критерии отнесения к группе определенно принадлежит другим агентам символической борьбы.

Политический контекст

Одним из основных контекстов, в которых в газетных статьях фигурирует термин «средний класс», является политический контекст. Сюда относятся тексты-прокламации, сообщающие о программных заявлениях политических деятелей о намерении сделать формирование, реже – поддержку среднего класса целью мероприятий государства или своей собственной политической организации. В 1995 г. становление и поддержка будущего среднего класса декларируется как одно из направлений проведения политики, однако и к 2003 г. тема создания среднего класса не исчезла со страниц газет и по-прежнему является делом ближайшего будущего. Далее следуют «электоральные» статьи, в которых средний класс

называется в качестве уже существующей или ожидаемой в недалеком будущем базы политика, партии или объединения²⁰.

С конца 2001 г. растет число текстов, где к среднему классу причисляются исключительно представители малого и среднего бизнеса, либо они же называются в качестве его основной части. По влиятельности эта идея начинает соотноситься с ведущим пониманием данной группы как слоя людей со средними доходами. Однако слияния двух концепций не происходит: в пределах одного документа присутствуют либо указания на малый и средний бизнес, либо на среднюю степень материальной обеспеченности.

Одним из образов мифа о среднем классе [Радаев 2003: 25] назван образ заинтересованного избирателя. Судя по проанализированным текстам, в массовой прессе данный образ практически не представлен. Напротив, встречаются указания на политическую пассивность среднего класса. Образ среднего класса как заинтересованного избирателя, как представляется, возник не стихийно, а в результате целенаправленного конструирования в аналитических еженедельниках. В массовых изданиях этот элемент стереотипа не воспроизводится.

Маркетинговый контекст

Сюда относятся статьи, указывающие на членов среднего класса как на потребителей какой-либо группы товаров или услуг, а также представляющие тот или иной вид потребительской активности как характерную черту среднего класса. В целом эта группа составляет пятую часть всех текстов с упоминанием «среднего класса» за рассмотренный период.

Какие товары и услуги упоминаются в качестве атрибутов среднего класса? Во второй половине 1990-х гг. это недорогие ювелирные украшения из драгоценных металлов, «фирменная» косметика; отдых на побережье Крыма; по разу упоминаются видеокамера, газонокосилка. В 2000-е гг. список заметно изменяется: продукты средних и высших ценовых категорий (алкогольные напитки, сыры), одежда западных марок; приобретение квартир, медицинские услуги в платных клиниках, туристические путевки в дальнее зарубежье, посещение супермаркетов и бутиков вместо обычных магазинов и открытых рынков.

Однако данное обстоятельство едва ли следует рассматривать как свидетельство роста благосостояния «реального» среднего класса, представителям которого предназначаются дорогие товары и услуги. Более правдоподобной представляется следующая схема: в 1990-е гг. в маркетинговых текстах под средним классом понимались широкие и не особенно обеспеченные слои населения, обозначение которых в таком качестве использовалось как удобный способ отделить их от более состоятельных потребителей. В 2000-е гг. в массовую прессу начинают проникать стереотипы, сформированные в изданиях, изначально ориентированных на иной тип потребителей. Именно на этот период приходится большая часть сообщений о той или иной затратной досуговой деятельности как части образа жизни среднего класса: помимо упоминавшихся, это посещение театров, мюзиклов, концертов классической музыки, спортивных клубов, занятия дорогими видами спорта, обращение к услугам частных адвокатов.

---

²⁰ Преобладающая политическая ориентация среднего класса, каким он предстает в газетных текстах, – либеральная; упоминания о нем как о базе чаще всего встречаются в статьях о партиях «СПС», «Яблоко». В послекризисный период есть ряд публикаций рекламно-информационного характера о формировании новой социально-демократической партии консолидированного среднего класса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы рассматривали три уровня, на которых представлено знание о социальной иерархии как системы стратификационных категорий. Первые два образуют социологические тексты двух видов – учебные пособия и публикации в социологических журналах. Третий уровень представлен текстами массовой прессы (русские газеты с максимальными тиражами).

В учебных текстах рассматривались теоретические классификации – характеристики социальной структуры в терминах универсальных «осей», образующих основания для формирования дискретных категорий. В научной периодике мы искали эмпирические классификации – методологические схемы, в соответствии с которыми построена социальная иерархия. Наконец, в газетных текстах изучались упоминаемость и смыслы отдельных категорий.

Что касается различия между именами групп и реальными группами, то здесь ситуация не блестящая. Нельзя сказать, что русские исследователи не уделяют внимания методологическим аспектам своих построений. Однако в социологической периодике, которая, как предполагается, отражает некоторый средний уровень конвенциональных исследовательских практик, методологическая рефлексия встречается нечасто. На сконструированность категорий указано лишь в одной общей схеме социальной иерархии, и в двух статьях отдельные категории анализируются как социологические понятия.

Оказалось, что единственный элемент, представленный на всех уровнях, – это «материально-имущественная обеспеченность». В теоретических классификациях ей соответствует «классовая система стратификации» (учебник В.В. Радаева и О.И. Шкаратана) и система стратификации вообще (учебник В.И. Добренкова и А.И. Кравченко). В эмпирических текстах уровень дохода – основной критерий для формирования категорий. Наконец, в газетных текстах упоминаемость категорий, «доходных» по смыслу, максимальна.

Это привело к тому, что первоначально выбранная типология эмпирических классификаций «не работает». Предполагалось, что категории могут строиться по однокритериальной шкале, совмещению позиций на двух и более шкалах и по разнородному набору критериев для каждого элемента иерархии. Однако оказалось, что задача построения иерархической структуры не особенно актуальна у русских исследователей. Роль однокритериальной шкалы обычно выполняет распределение по доходу; два и более критерия для построения ряда категорий практически не используются (только для отдельных терминов). Разнородные по смыслу категории, из которых составлены схемы иерархии, обычно не получают должного объяснения в текстах.

В медийном дискурсе ведущую роль в формировании групп категорий начинают играть их коннотативные значения. Именно они становятся основанием для возможного совмещения тех или иных категорий, включения их в единые смысловые поля. Поэтому для анализа газетных текстов использовался другой способ группировки категорий: «доходные», «марксистские» (категории марксистско-ленинской социологии), «научные» и «традиционные». На уровне массовой прессы наиболее логичным основанием для классификации становится упоминаемость отдельной категории. Здесь лидирует группа «доходных» категорий, затем следуют «марксистские» и «традиционные» категории. Наименее распространенными оказались термины «научной» группы. Однако в этой группе есть два важных исключения – категория «средний класс» отнесена к высоко-, а «рабочий класс» – к среднечастотным. Каковы смыслы четырех основных классовых терминов?

Значения категорий «высший класс» и «низший класс» остались непроясненными ввиду их редкости в текстах массовой прессы.

Смыслы, которыми наделяется термин «**рабочий класс**» в массовой прессе, не пересекаются с существующими в социологических текстах: в роли группы, состоящей из категорий государственной статистики, «рабочий класс» в газетных статьях не упоминается. Основной

контекст – тема отношений работников и нанимателей. В 1990-е гг. часто встречаются отсылки к «классическому» образу рабочего класса как революционной силы, тогда как в 2000-е гг. понятие постепенно лишается унаследованных из прошлого коннотативных значений и включается в тексты как название занятых на определенном предприятии.

Смыслы категории «средний класс» различаются в зависимости от контекста:

1) «*общий*» контекст: люди со средним уровнем дохода. Отчетливой динамики здесь обнаружить не удалось. На протяжении всего периода сосуществуют идея модального уровня доходов, не являющегося несомненно низким (и тогда в категорию включаются представители массовых профессий, требующих наличия высшего образования) и идея «бюджета высокого достатка», который превышает модальный доход людей с высшим и средним специальным образованием;

2) *политический* контекст: категория как цель государственной политики. В начале 2000-х гг. происходит переход от идеи среднедоходной группы к соотношению «среднего класса» с мелкими и средними предпринимателями;

3) *маркетинговый* контекст включает тексты о стандартах потребления представителей «среднего класса». В 1990-е гг. категория включала «средних» покупателей, противопоставляемых «богатым»: первые в состоянии позволить себе то, что вторые приобретают не раздумывая. В 2000-е гг. потребительская корзина изменяется в сторону более дорогих и эксклюзивных товаров и услуг, и категория фактически приравнивается к «богатым»;

4) отдельно рассматривались немногочисленные экспертные статьи; оказалось, что роль социологического знания в публичных дискуссиях о среднем классе незначительна.

В качестве важной особенности отмечена автономия контекстов и собственная динамика смыслов категории в каждом из них. В общем контексте средний класс артикулируется как группа, занимающая «золотую середину» между «богатыми» и «бедными». В политическом контексте категория превращается из «слоя обеспеченных людей» в «предпринимателей», уровень доходов которых не рассматривается как значимый параметр и не называется. «Маркетинговому» среднему классу свойственна лишь определенная покупательская способность. Комплексное представление категории встречается только в экспертных текстах. Можно предположить следующую закономерность: смыслы термина, сформировавшиеся в разных средах, сосуществуют в массовой прессе достаточно автономно, практически не сталкиваясь, но и не объединяясь. Тот факт, что некоторая пользующаяся авторитетом личность присоединяется к одной из трактовок, делает данную трактовку более употребительной, но не отменяет существование других.

В начале работы мы указывали на исследования классовой осведомленности как на основную причину интереса к теме артикуляции стратификационных категорий в массовой прессе. Приняв во внимание полученные результаты, предположим, что респондент в массовом опросе пользуется «образами» стратификационных категорий, близкими к выявленным нами по текстам газет. В вопросе на самоидентификацию предлагается перечень категорий. Возьмем стандартную формулировку в Мониторинге ВЦИОМ: «высший слой», «средний слой», «рабочие» и «низший слой». Как было установлено при анализе медийного дискурса, близкие к данным «классовые» термины имеют более чем малую *вероятность* попадания в одну смысловую связку. *Фактическая* связанность категорий также незначительна: их совместная упоминаемость ограничена единичными случаями. Поэтому можно предположить, что шансы на соответствие предлагаемой в опросе стратификационной схемы тому представлению о социальной иерархии, которое потенциально может сформироваться у обывателя, невелики.

Как представляется, проделанная работа показывает, что изучение отдельных социологических категорий как элементов символической среды общества может оказаться весьма перспективной областью исследований как в рамках культурологических изысканий, так и в плане сопоставления «обывательских» и «профессиональных» трактовок социологических терминов.

Литература

- Аврамова Е.М., Овчарова Л.Н.* Количественные характеристики российского среднего класса методом концентрации признаков // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 62–73.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер. с англ. М.: Медиум, 1995.
- Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть: Пер. с франц. // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137–150. <http://ecsocman.edu.ru/thesis>
- Громова Р.А.* Положение в обществе и принадлежность к социальному слою: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 4. С. 30–34.
- Добренков В.И., Кравченко А.И.* Социология: В 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация. М.: ИНФРА-М, 2000.
- Качанов Ю.Л.* Социология и государство: к вопросу о легитимных практических схемах // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. 2002. <http://sociologos.narod.ru/textes/katchanov/Katchanov2.htm>
- Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003.
- Маркова Ю.В.* Социология и легитимация представлений о современном российском государстве // Социологические опыты. Сборник научных статей аспирантов Ин-та социологии РАН. М.: ИС РАН, 2001. http://sages.isras.ru/RUS/publ/TXT/socio_etat.htm
- Радаев В.В.* О социологическом и идеологическом понимании среднего класса (вместо введения) // Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003. С. 14–26.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- Саблина С.Г.* Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 430–459.
- Хажулина Л.А.* Субъективный средний класс // Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003. С. 145–190.
- Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения: Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
- Шматко Н.А.* «Топосы» российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму // 2005. Публикация на сайте ИС РАН: <http://www.isras.ru/files/12908-NACHmatko.pdf>
- Bates F.L., Peacock W.G.* Conceptualizing Social Structure: The Misuse of Classification in Structural Modeling // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. No. 4. P. 565–577.
- Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. L.: Routledge & Kegan Paul, 1984.
- Bourdieu P., Wacquant L.J.D., Farage S.* Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // Sociological Theory. 1994. Vol. 12. No. 1. P. 1–18.
- Brown R.H.* Rhetoric, Textuality, and the Postmodern Turn in Sociological Theory // Sociological Theory. 1990a. Vol. 8. No. 2. P. 188–197.
- Brown R.H.* Social Science and the Poetics of Public Truth // Sociological Forum. 1990b. Vol. 5. No. 1. P. 55–74.

- Carley K., Palmquist M.* Extracting, Representing, and Analyzing Mental Models // *Social Forces*. 1992. Vol. 70. No. 3. P. 601–636.
- Cerulo K.A.* Sociopolitical Control and the Structure of National Symbols: An Empirical Analysis of National Anthems // *Social Forces*. 1989. Vol. 68. No. 1. P. 76–99.
- Chalaby J.K.* Beyond the Prison-House of Language: Discourse as a Sociological Concept // *British Journal of Sociology*. 1996. Vol. 47. No. 4. P. 684–698.
- Coleman R.P., Rainwater L.* *Social Standing in America*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979.
- Dimaggio P.* Culture and Cognition // *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23. P. 263–287.
- Drudy S.* The Classification of Social Class in Sociological Research // *British Journal of Sociology*. 1991. Vol. 42. No. 1. P. 21–41.
- Durkheim E.* *The Elementary Forms of Religious Life*. N.Y.: Free Press, 1995.
- Durkheim E., Mauss M.* *On Some Primitive Forms of Classification: Contribution to the Study of Collective Representations*. Chicago: The University of Chicago Press, 1963.
- Erikson R., Goldthorpe J.H.* *The Constant Flux*. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Fine G.A.* The Sad Demise, Mysterious Disappearance, and Glorious Triumph of Symbolic Interactionism // *Annual Review of Sociology*. 1993. Vol. 19. P. 61–87.
- Gamson W.A. et al.* Media Images and the Social Construction of Reality // *Annual Review of Sociology*. 1992. Vol. 18. P. 373–393.
- Gamson W.A., Stuart D.* Media Discourse as a Symbolic Contest: The Bomb in Political Cartoons // *Sociological Forum*. 1995. Vol. 3. No. 1. P. 55–86.
- Gans H.J.* The Famine in American Mass-Communications Research: Comments on Hirsh, Tuchman, and Gecas // *American Journal of Sociology*. 1972. Vol. 77. No. 4. P. 697–705.
- Gitlin T.* Media Sociology: The Dominant Paradigm // *Theory and Society*. 1978. Vol. 6. No. 2. P. 205–253.
- Grusky D.B., Sorensen J.B.* Can Class Analysis Be Salvaged? // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 103. No. 5. P. 1187–1234.
- Hall J.R.* *Cultures of Inquiry: From Epistemology to Discourse in Sociological Research*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Hall J.R.* Where History and Sociology Meet: Forms of Discourse and Sociohistorical Inquiry // *Sociological Theory*. 1992. Vol. 10. No. 2. P. 164–193.
- Haug M.R.* Measurement in Social Stratification // *Annual Review of Sociology*. 1977. Vol. 3. P. 51–77.
- Hodge R.W., Treiman D.J.* Class Identification in the United States // *American Journal of Sociology*. 1968. Vol. 73. No. 5. P. 535–547.
- Jackman M.R., Jackman R.W.* *Class Awareness in the United States*. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Janowitz M.* Harold D. Lasswell's Contribution to Content Analysis // *Public Opinion Quarterly*. 1969. Vol. 32. No. 4. P. 646–653.
- Katz E.* Communications Research since Lazarsfeld // *Public Opinion Quarterly*. 1987. Vol. 51. Part 2. Supplement: 50th anniversary issue. P. 25–45.
- Kluegel J.R., Smith E.T.* Beliefs about Stratification // *Annual Review of Sociology*. 1981. Vol. 7. P. 29–56.

- Kluegel J.R., Singleton R. Jr., Starnes C.E.* Subjective Class Identification: A Multiple Indicator Approach // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42. No. 4. P. 599–611.
- Lane C.* *The Rites of Rulers: Rituals in Industrial Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 1.
- Lenski G.E.* American Social Classes: Statistical Strata or Social Groups // *American Journal of Sociology*. 1952. Vol. 56. No. 2. P. 139–144.
- Lipset S.M., Bendix R., Zetterberg H.H.* *Social Mobility in Industrial Society* // *Social Stratification: Class, Race and Gender in Sociological Perspective* / Ed. by D. Grusky. Boulder: Westview Press, 2000. P. 309–318.
- Marwick A.* *Class: Image and Reality*. L.: Macmillan, 1990.
- Murphy R.J., Morris R.T.* Occupational Situs, Subjective Class Identification, and Political Affiliation // *American Sociological Review*. 1961. Vol. 26. No. 3. P. 383–392.
- Platt J.* *A History of Sociological Research Methods in America, 1920–1960*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Prandy K.* Alienation and Interests in the Analysis of Social Cognitions // *British Journal of Sociology*. 1979. Vol. 30. No. 4. P. 442–474.
- Purvis T., Hunt A.* Discourse, Ideology, Discourse, Ideology, Discourse, Ideology... // *British Journal of Sociology*. 1993. Vol. 44. No. 3. P. 473–499.
- Richardson L.* Postmodern Social Theory: Representational Practices // *Sociological Theory*. 1991. Vol. 9. No. 2. P. 173–179.
- Savage M.* Class Analysis and Social Research // *Social Change and the Middle Classes* / Ed. by T. Butler, M. Savage. L.: UCL Press, 1995. P. 15–27.
- Savage M. et al.* *Property, Bureaucracy and Culture: Middle-Class Formation in Contemporary Britain*. L.: Routledge, 1995.
- Sayer A.* *Method in Social Science: A Realist Approach*. L.: Hutchinson, 1984.
- Schneider J.W.* Social Problems Theory: The Constructionist View // *Annual Review of Sociology*. 1985. Vol. 11. P. 209–229.
- Schreiber E.M., Nygreen G.T.* Subjective Social Class in America: 1945–1968 // *Social Forces*. 1970. Vol. 48. No. 3. P. 348–356.
- Sorensen A.B.* The Basic Concepts of Stratification Research: Class, Status and Power // *Social Stratification: Class, Race and Gender in Sociological Perspective* / Ed. by D. Grusky. Boulder: Westview Press, 2000. P. 287–300.
- Tucker Ch.W.* A Comparative Analysis of Subjective Social Class: 1945–1963 // *Social Forces*. 1968. Vol. 46. No. 4. P. 508–514.
- Vanneman R.D.* U.S. and British Perceptions of Class // *American Journal of Sociology*. 1980. Vol. 85. No. 4. P. 769–790.
- Wegener B.* The Illusion of Distributive Justice // *European Sociological Review*. 1987. Vol. 3. No. 1. P. 1–13.
- Zerubavel E.* Limping and Splitting: Notes on Social Classification // *Sociological Forum*. 1996. Vol. 11. No. 3. P. 421–433.

Приложение 1. Перечень социологических текстов

Учебные тексты

1. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1995.
2. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация. М.: ИНФРА-М, 2000.

Статьи в научных журналах

Коды изданий:

- 1 – «Социологический журнал»
- 2 – «Социологические исследования»
- 3 – «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»

№	Авторы	Название	Журнал	Год	Номер
1	Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.	Становление гражданского общества и социальная стратификация	2	1995	6
2	Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Саровский Э.Г.	Социальная стратификация городского населения	2	1995	5
3	Наумова Т.В.	Интеллигенция и пути развития российского общества	2	1995	3
4	Рывкина Р.В.	Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ	2	1995	11
5	Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.	Формирование правящей элиты в России	3	1995	6
6	Заславская Т.И.	Социально-экономическая структура российского общества	3	1995	6
7	Зоркая Н.А.	Так богаты ли наши богатые?	3	1995	6
8	Зубова Л.Г.	Социальное расслоение в России	3	1995	3
9	Антипин П.В.	Четыре типа адаптации к рынку труда и перспективы социального расслоения в России	1	1996	¾
10	Кутелия Б.Н.	Структурные изменения в уровне жизни россиян	1	1996	¾
11	Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А.	Элита России: о настоящем и будущем страны	2	1996	4
12	Головачев Б.В., Косова Л.Б.	Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету	2	1996	1
13	Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.	Формирование правящей элиты в России	3	1996	1
14	Заславская Т.И.	Структура современного российского общества	3	1996	1
15	Зубова Л.Г.	Социальное расслоение: положение «полярных» групп населения	3	1996	1
16	Красильникова М.Д.	Богатые: 1% населения	3	1996	3
17	Хахулина Л.А., Тучек М.	Имущественное расслоение в переходный период	3	1996	3
18	Черныш М.Ф.	Социальная мобильность и политические ориентации	1	1997	1
19	Ахтямова Г.Р.	Социальная дифференциация общества и интересов	2	1997	8
20	Маликова Н.Н.	Динамика перемен	2	1997	10

№	Авторы	Название	Журнал	Год	Номер
21	Громова Р.Г.	Положение в обществе и принадлежность к социальному слою: факторы самоидентификации	3	1997	4
22	Хахулина Л.А., Стивенсон С.А.	Неравенство и справедливость	3	1997	2
23	Громова Р.Г.	Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы	1	1998	¾
24	Галкин А.А.	Тенденции изменения социальной структуры	2	1998	10
25	Голенкова З.Т.	Динамика социоструктурной трансформации в России	2	1998	10
26	Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.	Средние слои в современной России (опыт анализа проблемы)	2	1998	7
27	Гордон Л., Терехин А., Будилова Е.	Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения	3	1998	1
28	Громова Р.Г.	Сравнительный анализ типичных форм социальной мобильности в российском обществе до и после 1985 г.	3	1998	1
29	Левада Ю.А.	Возвращаясь к проблеме социальной элиты	3	1998	1
30	Балабанова Е.С.	Андеклас: понятие и место в обществе	2	1999	9
31	Беляева Л.А.	В поисках среднего класса	2	1999	7
32	Голенкова З. Т., Игитханян Е.Д.	Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества	2	1999	9
33	Хахулина Л.А.	Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации	3	1999	2
34	Хахулина Л.А.	Социальное неравенство	3	1999	4
35	Саблина С. Г.	Кристаллизация статуса средних слоев в современной России	1	2000	½
36	Бызов Л.Г.	Уровень потребления и имущественные характеристики среднего класса	2	2000	3
37	Горшков М.К.	Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России	2	2000	3
38	Обыденнова Т.Б.	Средний класс и его работа	2	2000	3
39	Петухов В.В.	Политические ценности и поведение среднего класса	2	2000	3
40	Радаев В.В.	Работающие бедные: велик ли запас прочности	2	2000	8
41	Тихонова Н.Е.	Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности	2	2000	3
42	Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.	Экономическая стратификация населения России в 90-е годы: динамический аспект	2	2001	6
43	Гришаев С.В.	Динамика социальной структуры Красноярского региона	2	2001	?
44	Здравомыслов Г.А.	Российский средний класс – проблема границ и численности	2	2001	5
45	Левичева В.Ф.	Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности	2	2001	2
46	Магарил С.А.	Гражданская ответственность интеллигенции	2	2001	2
47	Арутюнян Ю.В.	О социальной структуре общества в постсоветской России	2	2002	9

№	Авторы	Название	Журнал	Год	Номер
48	Трушков В.В.	Современный рабочий класс России в зеркале официальной статистики	2	2002	2
49	Степанова О.К.	Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени	2	2003	1
50	Балабанов А.С., Балабанова Е.С.	Социальное неравенство: факторы углубления депривации	2	2003	7
51	Беленький В.Х.	Рабочий класс как объект социологического анализа	2	2003	1
52	Максимов Б.И.	Рабочий класс, социология и статистика	2	2003	1

Приложение 2. Встречаемость стратификационных категорий в прессе (1995–2003 гг.)

Категория	Упомянутость*	Количество документов, шт.
«Бедные»	0,00567	2375
«Богатые»	0,00438	1759
«Средний класс»	0,00418	1567
«Малоимущие»	0,00415	1520
«Интеллигенция»	0,00341	1439
«Верхи»	0,00293	1247
«Капиталисты»	0,00243	1091
«Малообеспеченные»	0,00133	613
«Рабочий класс»	0,00113	510
«Элита»	0,00112	491
«Низы»	0,00099	427
«Правящая элита»	0,00063	269
«Правящий класс» и «господствующий класс»	0,00038	132
«Класс собственников»	0,00011	50
«Высший класс»	менее 0,0001	21
«Класс богатых»		11
«Низший класс»		8
«Класс капиталистов»		6
«Класс наемных работников»		2
«Класс бедных»		1

* Упомянутость – доля документов с упоминанием искомого термина в общем количестве документов за расчетный период. Расчет производился по месяцам, затем полученные значения суммировались поквартально. Поскольку общее количество документов изменялось, вес одинаковых количеств документов в разных месяцах также мог оказаться различным.

Приложение 3. Упомянутость видов категорий, 1995–2003 гг.

Вид категорий	Упомянутость
«Доходные»	0,0039
«Марксистские»	0,0023
«Традиционные»	0,0020
«Научные»	0,0016